

НАЙО МАРИШ

Высокое искусство преступления!

Родерик Аллейн

Найо Марш

Маэстро, вы убийца!

«Издательство АСТ»

1938

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Марш Н.

Маэстро, вы убийца! / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1938 — (Родерик Аллейн)

ISBN 978-5-17-063519-1

Инспектор Родерик Аллейн – аристократ, интеллектуал и лучший детектив Скотленд-Ярда – с первого взгляда заинтересовался художницей Агатой Трой. К сожалению, его вторая встреча с этой остроумной женщиной состоялась при довольно неприятных обстоятельствах... Во время мастер-класса Агаты, который она проводила в своем загородном доме, убита натурщица, а главный подозреваемый, живописец и скульптор Гарсия, бесследно исчез. Казалось бы, что может быть проще? Убийца бежал, совершив свое черное дело! Однако не слишком ли очевидна эта версия? Чем дальше ведет расследование инспектор Аллейн, тем яснее ему становится – исчезнувший Гарсия слишком откровенно подозрителен, чтобы быть настоящим убийцей. Убийцей, которым может оказаться любой из многочисленных гостей Агаты! Мотива нет ни у кого? Стало быть, он может найтись у каждого!

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-063519-1

© Марш Н., 1938
© Издательство АСТ, 1938

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Найо Марш

Маэстро, вы – убийца!

Глава 1

Пролог в открытом море

Облокотившись на леер, Аллейн смотрел на побуревший от времени морской причал, заполненный людьми. Через пару минут вся эта картина начнет отдаляться, постепенно расплываясь, а потом и вовсе превратится в смутные воспоминания. «Мы заходили в Суву». Аллейна вдруг охватило неодолимое желание навеки запечатлеть причал в своей памяти. Поначалу празднично, как бы между прочим, а затем с удивившим его волнением Аллейн принялся запоминать открывшуюся его взору картину. Всю до мелочей. Вот высоченный фиджиец с причудливо расцветенной прической. Ну и волосищи – ослепительно яркий фуксин в сочетании с ядовито-мышьяковой зеленью грозди свежесрезанных бананов. Поймав это дикое сочетание красок в силки извилин своей памяти, Аллейн с фотографической точностью запечатлел его и перевел взгляд на темное лоснящееся лицо, на котором отражались голубоватые блики водной лазури, потом отметил крепкий торс, белоснежную набедренную повязку и могучие ноги. Его захватил азарт. Сколько он успеет запомнить, прежде чем корабль отчалил? И звуки – их он тоже должен увезти с собой – характерное шлепанье босых ступней, монотонный рокот голосов и обрывки песни, доносившейся от стайки девушек-аборигенок, столпившихся в отдалении на фоне россыпи кроваво – красных кораллов. Нельзя забыть и запах – удивительный пряный аромат красного жасмина, кокосового масла и отсыревшего дерева. Аллейн расширил круг, включив в него индианку в кричаще-розовом сари, сидевшую на корточках в тени развесистого изумрудно-зеленого банана; мокрые крыши будок на пристани и покрытые лужами дорожки, которые веером расходились от причала и исчезали где-то в мангровых болотах и далеких горных грядах. А горы – ну разве можно забыть это чудо? Пурпурно-багряные у основания, перерезанные посередине неспешной процессией облаков, они упирались в торжественное и неподвижное небо фантастическими пиками, похожие на шпили средневековых рыцарских замков. Длинная гряда облаков, окаймленная темно-синей бахромой, в центре угрожающе темнела невыплеснутым дождем. Цвета – сочные и густые краски, причудливая палитра мокрой сепии, ядовитой зелени, кровавого фуксина и сочного индиго. Гортанные голоса фиджийцев – такие громкие, словно их издавали органные трубы, – сочно прорезывали пропитанный влагой воздух, который и сам, казалось, звенел и вибрировал.

И вдруг все словно померкло, краски стали тусклее. Корабль отчалил от пристани. Картина поблекла: скоро, канув в Лету, растворятся и голоса. Аллейн закрыл глаза и с удовлетворением убедился, что волшебная картина со всеми живыми красками и звуками полностью сохранилась в воображении. Когда он снова открыл их, корабль от пристани отделяла уже широкая полоса воды. Не желая больше смотреть на причал, Аллейн отвернулся.

– Господи, ну и зари-ища! – жеманно пропела красотка блондинка, как всегда, окруженная толпой поклонников. – Зуть! В этом городишке я похудела фунтов на десять. Кошмарная зара! Уф-ф!

Молодые люди громко захохотали.

– В Гонолулу жара еще сильнее, – поддразнил один из них.

– Может быть. Но все равно – не такая одуряющая, как здесь.

– Как-то в знойном Гонолулу пережарилась акула! – задорно выкрикнул кто-то.

– Эх, ребята! – воскликнула жеманница, кокетливо закатив глаза и крутя бедрами, будто в гавайском танце. – Потерпите, пока мы придем в мой добрый старый Лугу – вот уж когда повеселимся на славу. Ах, как мне нравятся эти наклейки на моих саквояжах! – Она заприщипала Аллейна. – Ой, вы только посмотрите, кто к нам позаловал! Скорей же, зайчик, идите в нашу компашку.

Аллейн медленно приблизился. Не успели они отплыть из Окленда, как синеглазая красавица начала обхаживать его, пуская в ход все свое очарование. Каждый раз при его появлении в ее голосе появлялись теплые нотки. В глубине души Аллейн был польщен – как-никак за красавицей ухлестывало не менее дюжины молодых ухажеров. «Ох уж эти тщеславные сорокалетние мужчины», – вздыхал он про себя. Но блондинка была настолько привлекательна, что Аллейн не без удовольствия предвкушал легкий необременительный пароходный флирт.

– Вы только полюбуйтесь на него! – не унималась она. – Какой симпатяга, верно? Ах, как же ему к лицу эта английская чопорность! А глаза так и семафорят: дерзываете от меня подальше! Открою вам секрет – эй, слушайте все! Этот мистер Аллейн – мой самый большой провал и позор. Я для него ровным счетом ничего не значу.

«Вот ведь привязалась, бестия», – подумал Аллейн, а вслух произнес:

– Я просто отчаянный трус, мисс Ван Маес.

– В каком это смысле? – подозрительно осведомилась она. Огромные глазищи засияли.

– Я... я сам не знаю, – поспешно ответил смутившийся Аллейн.

– Полундра, мы пересекаем барьерный риф! – выкрикнул один из юнцов.

Все посыпались к борту. Мелкие волны лениво накатывали на коралловые рифы, омывая их с двух сторон, словно ребра неведомого страшилища, а потом рассыпаясь веером невысоких пенистых бурунчиков. Над Фиджи по-прежнему нависали низкие облака, грозя разразиться дождем. Сочный пурпур острова местами озарялся золотистыми пятнами солнечных лучей, то тут, то там пробивавших себе бреши в серых облаках. Миновав торчащие, будто клыки, кораллы, корабль вышел в открытое море.

Аллейн воспользовался этой заминкой и ретировался; поспешно прошагав на корму, он вскарабкался по трапу на шлюпочную палубу. Там не было ни души – пассажиры, еще не успев сменить одежду, в которой высаживались на остров, толпились на главной палубе. Задумчиво набив трубку, Аллейн бросил взгляд в сторону Фиджи. Да, там было приятно. Удивительно мирно и уютно.

– О, черт! – послышалось вдруг сверху. – Проклятие! Вот дьявол!

Аллейн испуганно задрал голову. На одной из покрытых брезентом шлюпок сидела худенькая темноволосая женщина. Аллейну показалось, что она пытается проткнуть какой-то предмет. В следующую секунду женщина встала и выпрямилась. Аллейн увидел, что она одета в чудовищно замызганные фланелевые брючки и короткий рабочий халат мышинного цвета. В руке у нее Аллейн разглядел длинную кисть. Лицо незнакомки украшало здоровенное пятно зеленой краски, а коротко стриженные волосы торчали, словно караульная рота, – похоже, хозяйка в сердцах запустила в них пятерню, безжалостно зачесав непослушные пряди наверх. Женщина перебралась на нос шлюпки, и Аллейну представилась возможность рассмотреть, чем она занималась. Маленький холст был пристроен к крышке настель распластывающегося ящичка для красок. У Аллейна перехватило дыхание. Картина изображала причал в Суве – точно таким, как его запомнил Аллейн. Яркий пейзаж с поразительной, невероятной живостью передавал даже самое дыхание запечатленной сцены. Картина была написана решительными, немного нервными мазками. Голубовато-розовые и ярко-зеленые тона сочетались в ней с удивительно естественной гармонией, как слова тщательно составленной фразы. Несмотря на видимую простоту, Аллейн был потрясен – скорее даже выплеском чувств, чем отражением зрительного восприятия.

Художница, зажав во рту незажженную сигарету, окинула свое творение придирчивым взглядом. Порылась в кармане, выудила носовой платок, служивший тряпочкой для стирания, и снова запустила пятерню в волосы.

– Что за чертовщина! – процедила она и вынула изо рта сигарету.

– Спичка нужна? – спросил Аллейн.

Художница вздрогнула, пошатнулась и неловко села.

– И долго вы уже здесь торчите? – нелюбезно спросила она.

– Нет, я только что подошел. Я... вовсе не подглядывал. Могу я поднести вам огоньку?

– О, ну спасибо. Бросьте мне коробок, пожалуйста. – Она закурила, глядя на Аллейна поверх изящных тонких рук, затем снова повернулась к своему пейзажу.

– Изумительная картина, – невольно вырвалось у Аллейна.

Женщина вздернула тонкое плечико, словно голос Аллейна проткнул ей барабанную перепонку, что-то невнятно пробурчала и вернулась к работе. Взяла палитру и принялась размазывать ножичком тонкий слой краски.

– Надеюсь, вы не собираетесь что-нибудь менять? – не сдержался Аллейн.

Художница обернулась и недоуменно уставилась на него:

– А почему бы и нет?

– Потому что это уже – совершенное творение. Вы... только испортите... О, простите! – спохватился Аллейн. – Жуткая бесцеремонность с моей стороны, я понимаю. Извините, Бога ради.

– Да бросьте вы, – нетерпеливо отмахнулась незнакомка и, немного откинув голову, взгляделась в картину.

– Мне просто показалось... – неуклюже проблеял Аллейн.

– А вот мне показалось, – оборвала его художница, – что, вскарабкавшись на этот чертовски неудобный насест, я смогу хоть чуточку поработать без помех.

– Сейчас поработаете, – заверил Аллейн, кланяясь ее гордому профилю. Он попытался вспомнить, случалось ли ему раньше выслушивать подобные выпады от абсолютно незнакомого человека. Пожалуй, случалось, но только от тех, кого он допрашивал по долгу службы как офицер Скотленд-Ярда. Но тогда хозяином положения был он сам, а сейчас ему не оставалось ничего иного, как извиниться и уйти. Уже дойдя до трапа, Аллейн обернулся.

– Если вы хоть что-то измените, даже самую малость, это будет настоящее преступление, – твердо заявил он. – По-моему, это просто шедевр. Даже я это вижу, а я...

– ...ни черта не смыслю в живописи, но знаю, что мне это нравится, – свирепо закончила за него колючая незнакомка.

– Я собирался закончить фразу совсем другой банальностью, – миролюбиво произнес Аллейн.

Впервые за все время художница удостоила его внимательным взглядом. Уголки ее рта неожиданно приподнялись в очаровательной улыбке.

– Хорошо, – вздохнула она. – Не знаю, с чего я на вас набросилась. Настал мой черед принести вам извинения. Я думала, вы – обычный зевака-дилетант, который любит раздавать поучительные советы.

– Боже упаси!

– Собственно говоря, я не собираюсь ничего менять, – сказала она внезапно смущенным тоном, словно оправдываясь. – Вся загвоздка вот в этой фигуре на переднем плане – я слишком поздно про нее вспомнила. Я ведь начала работать всего за час до отплытия. Мне казалось, там присутствовали голубовато-серые тона, но я точно не помню – где именно...

Она озабоченно умолкла.

– Конечно, присутствовали! – обрадованно воскликнул Аллейн. – Отражение воды на внутренней поверхности бедер. Неужели не помните?

– Ей-богу! Точно – вы правы! – возбужденно вскричала она. – Сейчас, подождите минутку.

Художница выбрала тонкую кисточку, провела по размазанной краске, на мгновение застыла, словно прицеливаясь, а потом аккуратно чиркнула по холсту:

– Вот так?

Аллейн ахнул:

– Идеально. Теперь уже точно – все. Баста. Можете расслабиться.

– Ну хорошо, хорошо. Я и не подозревала, что вы тоже из нашей братии.

– Нет, я вовсе не художник. Все дело в моей несносной самоуверенности.

Она начала складывать кисти.

– Что ж, для непрофессионала вы необычайно наблюдательны. У вас замечательная зрительная память.

– Не совсем, – признался Аллейн. – Она у меня скорее синтетическая.

Художница вскинула брови:

– Вы имеете в виду, что тренировали ее специально?

– Да, в силу необходимости.

– Зачем?

– Хорошая зрительная память – важнейшая составляющая моей профессии. Позвольте, я возьму ваш ящичек.

– О, спасибо. Осторожнее с крышкой – она немного запачкана. Было бы жалко испортить такие шикарные брюки. Подержите этюд?

– Позвольте, я помогу вам спуститься? – предложил Аллейн.

– Благодарю, я справлюсь сама, – отрезала незнакомка, перебрасывая ногу через борт шлюпки.

Аллейн осторожно поставил холст перед собой на поручень и пристально взгляделся в него. Темноволосая женщина, спрыгнув на палубу, смотрела на свое творение безразличным взором художника.

Аллейн хлопнул себя по лбу.

– Господи, да вы же, наверное, Агата Трой!

– Да, это я.

– Боже, какой я безнадежный тупица!

– Почему? – изумилась Агата Трой. – Вы мне как раз здорово помогли.

– Спасибо, – сокрушенно покачал головой Аллейн. – Я ведь всего год назад был на вашей персональной выставке в Лондоне.

– В самом деле? – с полным отсутствием какой-либо заинтересованности сказала она.

– И как я сразу не догадался? Мне кажется, этот этюд чем-то напоминает вашу картину «На стадионе». Вы не находите?

– Да, вы правы. – Агата Трой вскинула брови. – У них одинаковая композиция – расходящиеся лучом линии – и схожая цветовая гамма. И одно настроение. Ладно, пойду в каюту переоденусь.

– Вы сели на пароход в Суве?

– Да. Когда я посмотрела на причал с главной палубы, зрелище настолько меня захватило, что я сразу схватила кисти с красками и примчалась сюда.

Она подняла ящичек за ремни, перебросила его через плечо и подхватила этюд.

Аллейну вдруг остро захотелось проводить ее.

– Позвольте... – вырвалось у него.

– Нет, спасибо, – сухо покачала головой Агата Трой.

С минуту она постояла, глядя на берега Фиджи. Легкий бриз трепал ее коротко стриженные темные волосы. Аллейн залюбовался изящным профилем художницы. Ему нравилось в

ней абсолютно все: ямочки на щеках, тонкие, красиво изогнутые брови, темно-синие глаза. Солнечные лучи золотили оливковую кожу ее лица, а забавная зеленая клякса на щеке придавала ему какую-то особую теплую прелесть. Во всем облике Агаты Трой сквозило внутреннее благородство. Внезапно, прежде чем Аллейн успел отвести взгляд в сторону, она обернулась, и их взгляды встретились.

Аллейн словно прирос к палубе. Глядя на ее лицо, медленно розовевшее под его пристальным взглядом, он вдруг почувствовал, что знает эту женщину давным-давно. Ему казалось, он наперед знает все ее мысли, движения и поступки, слышит интонации ее чистого и строгого голоса. Словно он давно мечтал и думал о ней, а встретил только теперь. Внезапно Аллейн спохватился, что стоит, превратившись в статую. Прелестное лицо Агаты Трой стало пунцовым до корней волос, и она отвернулась.

– Простите, – стараясь сохранить ровный тон, проговорил Аллейн. – Я загляделся на зеленое пятно у вас на щеке.

Она поспешно провела рукавом по щеке.

– Я пошла вниз, – сказала она.

Аллейн посторонился, пропуская ее, и снова поразился удивительному ощущению давнего знакомства с этой женщиной. Он по привычке отметил, что от нее пахнет терпентином и краской.

– Ну... до свидания, – неуверенно произнесла Агата Трой.

Аллейн усмехнулся:

– До свидания, мадам.

Художница принялась осторожно спускаться по трапу, приподняв непросохший этюд над поручнем. Аллейн отвернулся и закурил сигарету. Внезапно с нижней палубы послышались топот ног и громкие возбужденные голоса. Почти одновременно в ноздри Аллейну ударил аромат красного жасмина. Потом раздался воркующий голос корабельной красотки:

– Ох, пардон. Спускайтесь, прошу вас. Сюда, парни, к трапу! Ой, это вы нарисовали? Мозно поглядеть? Я просто балдею от зывописи. Ах, шарман – полюбуйте, ребята! Ой, это ведь наш причал! Какая досада, что вы не успели закончить – вот было бы здорово! Смотрите, парни, – узнаете наш причал? Мозет, фотография у кого-нибудь есть? Вообще с художником на борту надо дерзать ухо остро. Давайте познакомимся, что ли? Это – моя шайка. А меня зовут Вирджиния Ван Маес.

– Агата Трой, – донесся голос, который Аллейн с трудом узнал.

– Вот, мисс Трой, я как раз собиралась вам рассказать, как Кейли Берг написал мой портрет в Ну-Йорке. Вы знаете Кейли Берта? По-моему, это лучший портретист во всей Америке. Он вечно торчит в Ну-Йорке. Так вот, он просто умирал, так ему хотелось написать мой портрет...

Рассказ затянулся. Агата Трой не раскрывала рта.

– Наконец он закончил – кстати, платье, в котором я ему позировала, надоело мне до смерти, – и портрет удался на славу. Мой папочка купил его и повесил в гостиной нашего дома в Гонолулу. Некоторые, правда, говорят, что я там совсем на себя не похожа, но мне он нравится! Я, конечно, ни черта не смыслю в искусстве, но точно знаю, что мне нравится, а что – нет.

– Это правильно, – послышался голос Агаты Трой. – Послушайте, я бы хотела спуститься к себе. Я еще не распаковала свои вещи. Прошу меня простить...

– О, разумеется. Но мы еще увидимся. Кстати, вы не видели тут поблизости нашего душку Аллейна?

– Боюсь, что не знаю, кто...

– Высокий и тощий, как козлик, но очень милый. Англичанин вроде бы. Ой, я просто тащусь от него. Я тут поспорила с моими ребятами, что не только затащу его на вечеринку с поцелуями, но и непременно заставлю водить.

– А я уже заранее распрощался со своими денежками, – прыснул один из юнцов.
– Не слушайте их, мисс Трой. Но куда запропастился мой англичанчик? Я ведь только что его здесь видела.

– Он, наверное, поднялся на шлюпочную палубу, – предположил кто-то.

– Ах, вот вы о ком, – донесся до ушей Аллейна четкий голос Агаты Трой. – Да, он там, наверху.

– Вот спасибо! За мной, кодла!

– Уррра!

– Улю-лю!

– Проклятие! – процедил сквозь зубы Аллейн.

В следующий миг мисс Ван Маес надела на него, казалось, со всех сторон сразу, хватаясь, как соорудила себе леи – настоящую гавайскую травяную юбчонку – из фиджийского красного жасмина. Затем принялась пылко уговаривать Аллейна спуститься вместе с ней в бар.

– Что тут вообще происходит? – возмущалась она. – У меня уже три часа во рту не было ни капли. Поскакали!

– Вирджиния, – сипло произнес один из толпы поклонников. – Ты и так уже назуюкалась в стельку.

– Кто – я? Ха! Ты бы на себя посмотрел! А впрочем – какого рожна! С какой стати я вообще должна просыхать? Так вы идете с нами, мистер Аллейн?

– Благодарю покорно, – покачал головой Аллейн. – Вы не поверите, но мне нельзя пить. Врачи запрещают.

– Ха, очень остроумно!

– Уверяю вас – я не шучу.

– Мистер Аллейн, похоже, втюрился в эту даму с картиной, – догадался кто-то.

– Как – в эту тощую? С физиономией, заляпанной зеленой краской? Нет, мой мистер Аллейн до такого не опустится. Что он – чокнутый, что ли? И вообще, разве может приличная женщина рассказывать по пароходу в таком виде? А картина? Я, конечно, из везливости ее похвалила, но ведь такую муру и заканчивать не стоит. Подумаешь – причал в Суве! Я лучше открытку куплю. Идемте со мной, великий сыщик. И не томите душу – скажите, что эта неряха ничего для вас не значит!

– Мисс Ван Маес, – терпеливо произнес Аллейн. – В вашем присутствии я начинаю чувствовать себя древним, как египетские пирамиды, и вдобавок – недоумком. Ведь я совершенно не представляю, как ответить даже на самый простой из ваших вопросов.

– Я вас научу. Вы даже не подозреваете, зайчик мой, как со мной интересно.

– Спасибо, вы очень добры, но боюсь, что я уже вышел из подходящей возрастной категории.

Огромные глазищи Вирджинии расширились еще больше. Густо намазанные тушью ресницы торчали в разные стороны, как черные зубочистки. Пепельные волосы ниспадали на плечи сияющими волнами. Выглядела она, конечно, сногшибательно. Настоящая кинозвезда, подумал Аллейн. Но перебрала уже основательно.

– Ничего, братва, – вдруг густо пробасила она. – От своего пари я не отказываюсь. Ставлю пятьдесят против двадцати пяти, что этот красавчик поцелует меня еще до прихода в Гонолулу.

– Я весьма польщен... – неуклюже пробормотал Аллейн.

– Он польщен, видите ли! И заруби себе на носу, красавчик, голливудские поцелуи меня не устраивают. Никакой цензуры, ясно? Только взасос и – финита! Вот так-то!

Вирджиния пристально посмотрела на Аллейна, на ее ангельской мордашке впервые проскользнула тень сомнения.

– Слушай, – сказала она. – Не хочешь ли ты сказать, что у тебя и впрямь ляляки к этой бабе?

– Не знаю, что такое «ляляки», – сухо сказал Аллейн, – но к мисс Трой у меня равным счетом ничего нет, а уж у нее ко мне – и того меньше.

Глава 2

Пять писем

«От мисс Агаты Трой – ее подруге, мисс Кэтти Восток, художнице, известной портретами шахтеров, водопроводчиков и темнокожих музыкантов.

Борт парохода «Ниагара»

1 августа

Милая Кэтти!

Я прерываю свое путешествие в Квебеке, так что письмо это ты получишь примерно за две недели до моего возвращения домой. Я очень рада, что со следующим семестром все улажено. Преподавание – занудная наука, но теперь, когда я достигла столь головокружительных высот и могу подбирать учеников сама, это занятие уже не представляется мне таким утомительным. Спасибо, что ты все утрясла. Если сможешь, договорись с прислугой, чтобы к 1-му сентября все были на месте – я возвращаюсь третьего, а к десятому, когда начнутся занятия, они уже должны все подготовить. Твое письмо, отправленное авиапочтой, пришло в Суву в день нашего отплытия. Да, договорись с Соней Глюк, чтобы она нам позировала. Эта стервочка – не только прехорошенькая, но и знает толк в своем деле; когда не капризничает, конечно. Да и тебе самой не помешает написать обнаженную натуру крупным планом к выставке, которая, если мне не изменяет память, назначена на 16-е сентября. Ведь тебе хорошо удается обнаженная натура, да и пора бы немного отвлечься от водопроводчиков – а то как бы они не приелись публике. Кажется, я еще не рассказывала тебе, кого набрала на этот семестр? Привожу полный список:

1. Фрэнсис Ормерин. В настоящее время живет в Париже, но там, по его словам, все помешались на сюрреализме, а он его совершенно не чувствует и не желает тратить время на «эту белиберду». И вообще – переживает депрессию или что-то в этом роде.

2. Вальма Сиклифф. Это та самая девчушка, что намалевала здоровенные плакаты для министерства торговли, которыми все восторгалась. Уверяет, что хочет научиться работать с натурой. Желания у нее, по-моему, хоть отбавляй, но своего почерка еще нет, да и манера довольно вычурная. К тому же, если не ошибаюсь, она ищет, за кого зацепиться.

3. Бейсил Пилгрим. Если не ошибаюсь, именно на него положила глаз наша Вальма-охотница. Он, между прочим, достопочтенный¹. Старый лорд Пилгрим уже стоит одной ногой в могиле. В свое время он наделал шуму, выступая против законопроекта, разрешающего аборты. У Бейсила шестеро сестер – все старше его, – а мать, леди Пилгрим, умерла при его рождении. Сомневаюсь, чтобы Вальма Сиклифф понравилась престарелому джентльмену. Если творения Бейсила едва не загнали старого чудака в Армию спасения, то от манеры Вальмы он вообще ударится в язычество.

4. Уотт Хэчетт. Это – свежая кровь. Очень многообещающий парнишка. Он – австралиец, а нарыла я его в Суве. Примитивист с очень смелыми и точными линиями. Необычайно живой и энергичный, но бедный, как церковная крыса. Когда я его откопала, он держался на одних бананах и азарте. Голос у него дребезжащий, как проржавевшая жестянка, и он не способен ни о чем говорить, кроме своей работы и своих симпатий и антипатий. Боюсь, что сначала он будет действовать остальным на нервы, а потом замкнется в себе. Как бы то ни было, его манера мне нравится.

¹ В Англии – титул детей сановников и пэров. – Здесь и далее примеч. пер.

5. Седрик Малмсли. Этот уже подрядился иллюстрировать роскошное издание средневековых романов и хочет поработать над живой натурой. Я сообщила ему, чтобы он связался с тобой. Мне сказали, что он отрастил рыжую бороду, которая потешно раздваивается, и носит сандалии. Седрик, а не борода.

6. Вольф Гарсия. Он прислал мне письмо. Ему поручили изготовить мраморную скульптуру «Комедия и Трагедия», которую установят перед зданием нового театра в Вестминстере, и я разрешила ему поработать с нами, чтобы сделать глиняные модели. Видела бы ты его письмо – конверт без марки, а написано пастелью на туалетной бумаге. Думаю, что ты увидишь Гарсию задолго до того, как получишь мое письмо. Пусть пользуется студией, но только приглядывай за ним одним глазком, если там будет Соня. После 20-го сентября ему обещана другая студия, так что он у нас не задержится. Не вороти нос, Кэтти. Сама ведь знаешь, что этот парень – непризнанный гений; к тому же другие столько мне платят, что я могу себе позволить приютить пару нищенствующих Рафаэлей. Да-да, ты права: второй гений – это Хэчетт.

7. Некая Филлида Ли. Только что выскочила из Слэйда². Богатенький папаша. Прислала мне свои работы и восторженное послание, что, мол, всю жизнь мечтала учиться именно у меня и т. д. и т. п. Я написала ей ответ, запросив совершенно неприличную сумму, а она тут же согласилась.

8. Ты, мое золотко. Я всем им велела связаться с тобой. Малмсли, Ормерина и Пилгрима посели в общежитии, а Гарсия с Хэчеттом пусть поделят мансарды. Ты, как всегда, будешь жить в желтой комнате, а Вальма с малышкой Ли – в голубой. Главное – изолировать Гарсию. Сама знаешь, какова у него репутация – такого я у себя не потерплю. Я вообще подумываю отселить его в студию, а вторую мансарду отдать натурщице. Мне кажется, в Лондоне они с Соней жили вдвоем. Кстати говоря, я собираюсь написать портрет Вальмы Сиклифф. Для Берлингтон-Хауса³ и салона – чтоб им пусто было! Она вполне хороша, чтобы изобразить ее в такой помпезной манере.

Пишу все это, сидя в кают-компании, после отплытия из Сувы. Пока мы отплывали, спала маленький этюдик. Получилось вроде неплохо. Уже под конец мне помешал один человек. Поначалу я приняла его за придурка из тех, кто вечно ко мне цепляется, но он оказался неглупым парнем. Я даже сама почувствовала себя идиоткой. Есть тут еще одна американка, бывшая голливудская звезда, которая шляется по всему судну в постоянном подпитии. Выглядит словно девушка с обложки модного журнала, но поведение и речь... Это надо видеть и слышать! Похоже, этот парень у нее под каблуком; так что по большому счету он все-таки болван.

Если случится что-нибудь интересное, я допишу. Я очень довольна, что смогла вырваться в эту поездку. Спасибо за замечательные письма. Меня порадовало известие, что работа тебе удастся. С нетерпением жду, когда увижу твои картины воочию. Подумай насчет обнаженной натуры для групповой выставки. Мне бы не хотелось, чтобы тебя прозвали Королевой водопроводчиков.

Дописываю. Завтра прибываем в Ванкувер. После Гонолулу, где высадилась наша секс-бомба, жизнь стала тихой и мирной. До этого же здесь творилось такое, что всем чертям стало тошно. К сожалению, кто-то раздобыл выпуск «Палитры» с приложением, которое целиком посвящено моей персональной выставке. Красотка его увидела и решила, что, должно быть, я и впрямь стоящая художница, а не маляр. Узрев репродукцию портрета королевской четы, она мгновенно сделала стойку и принялась охотиться за мной по всему кораблю. Вот, мол, было бы здорово, если бы я написала ее портрет, прежде чем мы доберемся до Гонолулу, и все такое прочее. Ее папочка будет счастлив до безумия. По десять раз в день она меняла наряды, а

² Имеется в виду знаменитая школа изящных искусств Феликса Слэйда.

³ Здание в Лондоне, где находится Королевская академия искусств.

завидев меня, тут же принимала картинные позы. Пришлось взять грех на душу и соврать, что у меня развился неврит правой руки – чертыхалась я из-за этого на чем свет стоит, ведь мне до смерти не терпелось написать портрет другого пассажира. Весьма занятная личность, скажу тебе – есть над чем потрудиться. Словом, пришлось мне промучиться до самого Гонолулу. Да, пассажир этот, между прочим, – детектив! Но выглядит как испанский гранд. А какие манеры! Учтив, обходителен – настоящий викторианский лорд! Черт – вышло так, будто я над ним смеюсь, а это вовсе не так. Очень славный сыщик. При первой встрече с ним я вела себя как базарная торговка. Он все проглотил, а я вдруг почувствовала себя полной идиоткой. Ужасно переживала. Но портрет его, кажется, мне удался.

Что ж, Кэтти, третьего числа мы с тобой увидимся, старушка. Я сразу прикачу в Татлерз-Энд. До скорого.

Всегда твоя,

Трой

P.S. Пусть все-таки Гарсия устроится в студии и не высовывает оттуда носа. Будем надеяться, что к двадцатому он съедет».

«От Кэтти Босток – Агате Трой.

*Татлерз-Энд, Боссикот, Бакс*⁴

14 августа

Милая Трой!

И угораздило же тебя понабрать таких пиявок! Да, я знаю, что Гарсия – скульптор от Бога, но ведет себя как последняя свинья. Почему-то вбил себе в голову, что все вокруг должны с ним нянчиться. Мне даже страшно подумать, сколько он уже, должно быть, из тебя вытянул. Так и быть, я запру его в студии, но если ему вздумается волочиться за Соней или еще за кем-то, то пусть выбирается через вентиляционные ходы. Или через канализацию. Ты – последняя простофиля, если в самом деле надеешься избавиться от него до двадцатого. И где, спаси меня Вакх, ты откопала этого недоношенного аборигена? Из канавы с утконосами, что ли? Или из сумки пьяной кенгуру? Держу пари, что ты оплатила ему проезд в Англию из своего кармана. Возможно, я не имею права роптать, поскольку ты любезно отдала в мое распоряжение свой дом на целых двенадцать месяцев. Для меня это – подарок судьбы, ведь здесь я создала все свои лучшие работы. Кстати, на последней картине я изобразила двух негритянских саксофонистов – вид снизу, так сказать, на цилиндрическом фоне. По-моему, вышло недурно. Я уже ее закончила. Теперь задумала крупное полотно, для которого мне позирует Соня Глюк. Ей приходится много стоять, поэтому она капризничает даже больше обычного – чтоб ей сгореть в геенне огненной! Однако, едва прослышав про Гарсию и Пилгрима, она тут же согласилась прийти к нам на весь семестр – как всегда, за совершенно сумасшедшую плату. Сегодня приехал Малмели. С бородой точь-в-точь, как ты описала, – мне она напомнила козлину зад... Словом, ты сама поняла. Он с головой погружен в свои иллюстрации. Показывал рисунки – весьма прилично. С Пилгримом я уже прежде несколько раз общалась – и сам он, и его работы мне по душе. Жаль, что он такой олух. Говорят, его до неприличия часто встречают в обществе этой бессовестной Сиклифф – за его титулом, должно быть, увязалась, прохвостка. Самовлюбленная нимфоманка, но успех имеет. Забавная штука – секс. Я даже в мыслях не допускаю ничего дурного, но с мужчинами у меня порядок. Ты – другое дело. Стоило бы тебе хоть пальчиком поманить, и они укладывались бы к твоим ногам штабелями. Но ты держишься так неприступно, что они не смеют хоть на что-то надеяться. Сиклифф с Пил-

⁴ Графство Бакингемшир.

гримом приезжают завтра. Виделась с твоей Филлидой Ли. Этой особе палец в рот не клади. Носит наряды ручной работы, держится чопорно, как гусыня, проглотившая кочергу. Приезжает девятого. Как, кстати, и Ормерин, который шлет из Парижа столь унылые письма, что от них сводит скулы. Милый юноша. Только чересчур уж подавленный. Не знаю, понимаешь ли ты, какой коктейль смешала в этом семестре? Своенравную Соню обуздать невозможно. Гарсия либо начнет немедленно за ней ухлестывать, что будет довольно неприятно, либо, что еще хуже, – даст ей от ворот поворот. Вальма Сиклифф постарается вскружить голову всем парням. Если она в этом преуспеет, Соня захандрит. Возможно, в предвкушении пилгримского титула Вальма умерит аппетиты, но я в этом сильно сомневаюсь. Впрочем, тебе виднее – ты, должно быть, как обычно, спрячешь голову в песок и закроешь на все глаза. Ты ведь у нас аристократка. Ха! Правда, плебеям вроде меня трудно понять, как можно взирать на подобные безобразия с таким царственным хладнокровием.

С прислугой все в порядке. Здесь и чета Хипкинов, и Сэйди Уэлш из деревушки. Меня они кое-как терпят и считают дни до твоего приезда. Как, впрочем, и я. Я хочу посоветоваться с тобой, как быть с Соней, и мне не терпится взглянуть на твои новые работы. Вняв твоему совету, писем больше писать не буду. Твои намеки по поводу сыщика мне не слишком понятны, но, коль скоро он помешал твоей работе, ты имела полное право оторвать ему башку и сгрызть ее с солью. Ишь, указчик выискался. И вообще, к чему ты клонишь? Ладно, третьего все расскажешь.

Твоя Кэтти

P.S. От Гарсии уже прислали ящик глины и инструменты, так что, похоже, скоро его милость окажет мне великую честь лицезреть его воочию. Вероятно, счет за глину тоже пришлют нам.

P.P.S. От Королевы водопроводчиков слышу.

P.P.P.S. Пришел счет за глину».

*«От старшего инспектора Родерика Аллейна – мистеру Найджелу Батгейту, журналисту.
Борт парохода «Ниагара» (открытое море)
6 августа*

Дорогой мой Батгейт!

Как там поживает Бенедикт, наш женатый мужчина? Я был страшно огорчен, что не сумел побывать на свадьбе, но в Новой Зеландии думал о вас обоих в своей горной цитадели. Вот бы где ему провести медовый месяц!

Уютный деревенский паб, прелестное озеро, высоченные горы и больше на пятьдесят миль вокруг – ничего. Впрочем, вы с Анджелой, должно быть, весь отпуск нежились на Ривьере? Ну и молодцы. Я вас очень люблю и желаю счастья.

Мы вот-вот прибудем в Ванкувер. Здесь я решил прервать путешествие, чтобы посмотреть Квебек – я давно мечтал его увидеть. По возвращении в Англию у меня еще будет целых пятнадцать дней, прежде чем мне придется снова нацепить боевой меч и запрыгнуть в седло. Мама рассчитывает, что пару недель я проведу вместе с ней, поэтому, если не возражаешь, я заскочу к вам числа двадцать первого.

Пассажиры на судне ничем не отличаются от любых других пассажиров. Морское путешествие словно лакмусовая бумажка разоблачает даже самые тщательно скрываемые пороки и выводит всех на чистую воду. Как и положено, у нас есть своя красавица – сногсшибательная американская киноактриса, от которой меня бросает то в жар, то в холод. Как всегда, хватает

заядлых путешественников и алчных женщин. Самая интересная личность – мисс Агата Трой, художница. Помнишь ее персональную выставку? Она совершенно изумительно изобразила пристань в Суве. Меня так и подмывает спросить, сколько стоит ее этюд, но я все никак не решаюсь – к великому сожалению, мисс Трой невзлюбила меня с первого взгляда. При моем появлении она ощетинивается, как дикобраз (а уж они – мастера выпускать иголки, можешь мне поверить), словно видит гремучую змею или иную неприятную тварь. Почему – ума не приложу. Странное дело – однажды вдруг ни с того ни с сего она меня спрашивает ворчливым и совершенно безразличным голосом, нельзя ли ей написать мой портрет. Мне еще никогда не доводилось позировать – удивительное, скажу я тебе, ощущение, когда художник добирается до глаз. Смотрит в них, а тебе кажется, будто заглядывает в самую душу. Однажды она даже приблизилась ко мне вплотную, чтобы получше разглядеть зрачки. Есть в этом что-то унижительное. Я пытался ответить таким же взглядом, но потерпел фиаско. Портрет получился великолепный, но на душе у меня неспокойно.

Фокс пишет с достаточной регулярностью. С делом о поджоге он, похоже, справился. Я немного волнуюсь, выбившись из родной колеи, но рассчитываю быстро войти в привычный ритм. Надеюсь, мне не придется сразу окунуться в крупное дело, но все же если Анджеле вздумается подсыпать тебе в омлет крысиного яду, попроси, чтобы она сделала это уже после моего отъезда.

Очень хочу увидеть вас обоих, а пока расстаюсь с наилучшими пожеланиями.

Твой навечно,

Родерик Аллейн»

«От старшего инспектора Аллейна – леди Аллейн, Дейнс-Лодж, Боссикот, Бакс.

Канада

15 августа

Дорогая мамуля!

Твое письмо застало меня в Ванкувере. Да, конечно же, я немедленно приеду к тебе. В Ливерпуль мы приходим седьмого, и я сразу же, не мешкая, помчусь в Бакс. Сад – это замечательно, но ты уж, Бога ради, не перетрудишься. Нет, милая моя, в свою противоположность я не влюбился. Или ты мечтаешь о том, как я приведу к тебе в дом рослую и черную, как эбеновое дерево, фиджийку? Одна симпатичная аборигенка поглядывала на меня в Суве с некоторым интересом, но от нее так пахло пальмовым маслом, которое ты не выносишь, что я решил отложить знакомство на следующую жизнь. Кстати, о Суве – говорит ли тебе о чем-нибудь название Татлерз-Энд? Это где-то неподалеку от Боссикота. Там живет художница Агата Трой, которая написала ту самую картину, что нам с тобой так нравится. Она села на корабль в Суве и сотворила совершенно изумительный этюд. Да, вот еще, мамочка: если ты когда-нибудь получишь письмо от Вирджинии Ван Маес с просьбой о встрече, то ты – либо срочно уезжаешь на пару лет, либо болеешь ветрянкой или корью. Эта американка – настоящая хищница, красотка-вампир, которая коллекционирует мужские скальпы. Почему-то – одному Богу это известно – я ей приглянулся, и она твердо решила заполучить мой. Должно быть, все дело в нашем фамильном титуле. Да, говоря о титулах, как там поживает этот чертов баронет? Красотка-вамп мигом все разузнала. «Вот здорово, мистер Аллейн, я и не подозревала, что в английскую полицию набирают аристократов. Неужели сэр Джордж Аллейн – ваш единственный брат?» Понимаешь? Она грозитя прилететь в Англию и уже заявила, что ты наверняка потрясающая мать и лучшая в мире свекровь. Смотри в оба, чтобы она не провела тебя, прикинувшись моей возлюбленной, а то и невестой. Держись настороже, моя милая. Я рассказал, что ты – ведьма и по ночам летаешь на шабаш, но ей, по-моему, все равно.

Милая мамуля! В тот день, когда ты получишь это письмо, тебе исполнится шестьдесят пять. Через тридцать лет я стану почти на десять лет старше, чем ты сейчас, но ты все равно будешь учить меня жить. Помнишь, как мне удалось узнать твой возраст, когда тебе исполнилось тридцать пять? Тогда я провел свое первое частное расследование – жутко хулиганский поступок. И еще, мамочка, не кокетничай с викарием и не забудь седьмого числа постелить красный ковер.

Твой послушный и преданный сын
Родерик

P.S. Мисс Трой написала портрет твоего сына, который он (сын) выкупит, если он (портрет) не окажется ему (сыну) не по карману».

«От леди Аллейн, Дейнс-лодж, Боссикот – старшему инспектору Аллейну, Шаго-Фронтенак, Квебек.

Милый Родерик!

Твое замечательное письмо я и впрямь получила в свой день рождения. Спасибо, милый сыночек, – оно восхитительное. Мне даже не верится, что на целых две недели ты будешь мой, только мой. Я уже заранее жадно потираю свои стариковские руки. Надеюсь, я все-таки не отношусь к пресловутым мамашам-собственницам – хватать, хватать, хватать, – а довольствуюсь главным образом – дзинь, дзинь, дзинь? Я также предвкушаю заполучить твой образ – каким представляет его мисс Трой, – если она не просит за него слишком много. Если он окажется тебе не по карману, я готова вступить с тобой в долю, мой мальчик. Мне это будет только приятно, так что не надейся, что я позволю тебе разориться, и не смей врать своей маме, занижая цену. Я непременно заеду к мисс Трой сама – не только для того, чтобы узнать цену картины, или потому, что ты, безусловно, ждешь от меня похода к ней, но по той причине, что мне всегда импонировал ее стиль, и я буду счастлива с ней познакомиться, как сказала бы твоя драгоценная Ван Маес. Джордж сейчас в Шотландии, со своей семьей. Он собирается баллотироваться в парламент, но я боюсь, что он опять сядет в лужу, бедный дурачок. Жаль, что голова у них не такая светлая, как у тебя. Я купила себе ручной ткацкий станок и начала разводить восточно-европейских овчарок. Надеюсь, что сука – я назвала ее Тесса Танбридж – не станет слишком тебя ревновать. Вообще-то она у меня очень славная.

Я по-прежнему сожалею, что ты покинул министерство иностранных дел, но полагаю, что ты сам знаешь, что тебе делать, и вдобавок люблю читать заметки о твоих подвигах.

До седьмого, мой родной сыночек.

Твоя любящая мама

P.S. Я только что разыскала Татлерз-Энд, дом мисс Трой. Очень милый особнячок, всего в двух милях от Боссикота. Судя по всему, там проживают ее ученики. Моя разведка донесла, что в отсутствие мисс Трой в доме живет некая мисс Восток. Мисс Трой вернется третьего числа. Сколько ей лет?»

Глава 3

Классное собрание

Десятого сентября в десять часов утра Агата Трой, распахнув дверь восточного крыла своего особняка, вышла в сад. Утро выдалось солнечное и ласковое, не по-осеннему теплое. Где-то в саду полыхал невидимый костер, и ноздри приятно щекотал едва уловимый аромат горящего хвороста. В воздухе не ощущалось ни дуновения ветерка.

– Осень! – вздохнула Трой. – Пора снова браться за работу. Проклятие! Похоже, я старею. – Она чуть постояла, закурила сигарету и зашагала по направлению к студии, расположенной на месте старого теннисного корта. Когда Трой унаследовала особняк от отца, она решила выстроить студию именно там. Внушительное каменное строение прямоугольной формы освещалось с потолка, а единственное, прорезанное в южной стене оконце выходило на узкую тропинку. Студия находилась в небольшой ложбинке всего в минуте ходьбы от особняка. От посторонних глаз ее скрывали дубовая рощица и густые заросли сирени. Пройдя по извилистой тропинке, с обеих сторон обсаженной кустами сирени, Трой решительно толкнула дверь и вошла в студию. Из-за массивной деревянной ширмы слышались голоса учеников. Трой уже в точности представляла, как будут одеты ее ученики, как они приступят к работе, как воздух в студии пропитается запахом масляных красок и терпентина, как Соня, натурщица, начнет жаловаться на жару, потом на неудобную позу, на сквозняк, на холод и вновь – на жару. Как Кэтти будет раскачиваться взад-вперед перед мольбертом, а Ормерин – вздыхать, словно выброшенный на берег кит. Вальма Сиклифф будет принимать театральные позы, а Гарсия, ковыряющийся со своей глиной возле южного окна, – негромко посвистывать.

– Ну и ладно, – пробурчала себе под нос Трой и решительно прошагала за ширму.

Да, все оказалось точь-в-точь так, как она и ожидала: постамент прислонен к стене по левую сторону, на мольбертах красуются свежие холсты, газовый обогреватель ревет во всю мощь, а ученики ждут, когда она придет и задаст натурщице нужную позу. Все, кроме Малмсли и Гарсии. Малмсли уже вовсю трудился – его рабочий стол был завален набросками. Трой с неудовольствием отметила, что он облачен в комбинезон цвета морской волны. «Чтобы оттенить бороду, должно быть», – подумала она. Гарсия возвышался у окна, сосредоточенно разглядывая глиняную композицию, изображавшую Комедию и Трагедию. Рядом с ним торчала Соня Глюк, натурщица, в белоснежном кимоно. Кэтти Восток, разместившаяся в самом центре просторной комнаты, устанавливала огромную палитру перед внушительным черным холстом. Остальные ученики – Ормерин, ФиллидаЛи, Уотт Хэчетт и Бейсил Пилгрим – сгруппировались вокруг Вальмы Сиклифф.

Трой приблизилась к столу Малмсли и заглянула через плечо художника на разбросанные рисунки.

– Что это?

– Как раз то, о чем я говорил, – ответил Малмсли. Голос его прозвучал резковато и, как показалось Трой, раздраженно. – Третья новелла. Эту женщину убила жена ее любовника. Жертва лежит на деревянной скамье, пронзенная снизу кинжалом. Жена укрепила кинжал в скамье острием вверх, и когда неверный муж навалился сверху на свою любовницу... сами видите. Лезвие было скрыто под покрывалом. Мне кажется, здесь автор допустил натяжку. Быть не может, чтобы кончик лезвия не торчал из-под покрывала. Но вот издатель почему-то уперся рогом и настаивает на публикации в таком виде.

– Лезвие может и не торчать, если покрывало не натянуто, а свешивается со спинки, – заметила Трой. – Тогда, опускаясь на сиденье, женщина должна стянуть его вниз. Впрочем, все это – никак не ваша забота. Вы должны проиллюстрировать только одну сцену.

– Мне никак не удастся схватить нужную позу без натуры, – пожаловался Малмсли. – Мне бы хотелось изобразить ее так, чтобы читатель сам понял, как была подстроена ловушка.

– Боюсь, без живой натурщицы ваша задача почти невыполнима, – сказала Трой. – Ничего, Соня справится с любой позой. А нам все равно, что рисовать. Сейчас что-нибудь придумаю.

– Премного благодарен, – осклабился Малмсли.

– Разумеется, – послышался громкий голос Вальмы Сиклифф, – в Италии меня носили на руках. Итальянцев вообще хлебом не корми – дай полюбоваться на симпатичную блондинку. Куда бы я ни шла, отовсюду неслись возгласы: «Bella!», «Bellissima!» Так забавно.

– Это по-итальянски? – мрачно поинтересовалась Кэтти, размешивая на дощечке свинцовые белила.

– Да, милочка. Это означает «красотка», – пояснила мисс Сиклифф.

– Во дает! – сплюнула Соня, натурщица.

– За работу! – громко провозгласила Трой. – Сейчас займемся обнаженной натурой.

Все повернулись и дружно уставились на нее. Трой взошла на подиум – возвышение для натурщицы, для которого приспособили обыкновенные подмостки на колесиках, – и принялась мастерить ложе для Сони. Светло-вишневую подушку она пристроила у стены, затем из стоявшего рядом комода достала длинный отрез ярко-голубого шелка. Один его конец она перебросила через подушку и приколотла булавкой, а второй, сложив гармошкой, уложила на помост.

– Вот, Соня, – сказала она. – Попробуй что-нибудь в таком духе.

Трой опустила на колени, затем, изогнувшись в талии, легла на бок. Правое колено отставила в сторону, переместив центр тяжести на левый бок и бедро. Затем осторожно опустилась обеими лопатками на шелковую ткань. Соня недовольно поморщилась и фыркнула.

– Теперь твоя очередь, – сказала Трой, вставая. – Ложись прямо на покрывало, а голову опусти на подушку. Сперва попробуй лечь на левый бок.

Соня выскользнула из своего белоснежного кимоно. Обнаженная, она смотрелась просто восхитительно – прелестная крохотная фигурка, длинные точеные ноги, тонкая талия, упругие груди с заостренными холмиками сосков. Черные волосы, обрамлявшие идеальный овал лица, отчесаны назад с безмятежного лба и перехвачены на затылке лентой. Лишь немного заостренные черты лица с чуть широковатыми скулами выдавали ее славянское происхождение.

– Ах ты, поросенок, опять загорала! – упрекнула ее Трой. – Что нам теперь делать с этими белыми полосками?

– К сожалению, нудисток у нас в Борнмуте пока не приветствуют, – огрызнулась Соня.

Она улеглась на левый бок, прислонившись головой к светло-вишневой подушке. Трой, склонившись над обнаженной девушкой, стала нажимать на ее правое плечо, пока не притиснула его вплотную к доскам помоста. Шелковая ткань, придавленная плечами, выбивалась из-под тела натурщицы волнообразными голубыми складками.

Трой одобритительно кивнула.

– Вот то, что вам нужно, Малмсли, – сказала она. – Попробуйте набросать ее прямо как есть.

Она обогнула всю студию, не спуская глаз с натурщицы.

– Да, эта поза выглядит прекрасно в любом ракурсе, – заметила она. – Хорошо! Принимайтесь за работу. – Трой бросила взгляд на часы. – Соня, тебе придется так лежать сорок минут.

– Кошмарно неудобная поза, мисс Трой, – пожаловалась натурщица. – Что я вам – змея – так выгибаться?

– Не говори ерунды, – отмахнулась Трой. Ученики разбрелись по своим рабочим местам. Поскольку каждому из них суждено было сыграть свою роль в трагедии, случившейся десятью днями позже, давайте познакомимся с ними поближе.

Имя Кэтти Босток, несомненно, известно каждому, кто интересуется современной живописью. Во время описываемых событий она предпочитала работать короткими и уверенными мазками в манере, несколько напоминающей стиль примитивистов. Кэтти создавала крупные многофигурные композиции, из всей живой природы отдавая явное предпочтение ремесленникам и простому люду. Ее «Десятник-погоняла» обошел многие выставки, был признан картиной года в Королевской академии и вызвал переполох в среде твердолобых консерваторов. Внешностью Кэтти не слишком вышла – приземистая, крепко сбитая, неказистая темноволосая особа, умеющая легко осадить и поставить на место любого собеседника. Трой она обожала, хотя и любила поворчать на нее. Большую часть года Кэтти жила в Татлерз-Энде, хотя и не была ученицей Трой.

Светловолосая и худенькая, Вальма Сиклифф была очень хороша собой. Подобных девушек некоторые современные писатели выводят в романах – со страстностью, которую пытаются выдать за ироничную отстраненность. Родом из богатой семьи, она создавала картины, в которых присутствовала мысль. Хотя Кэтти и обзывала Вальму нимфоманкой, вам самим представится возможность оценить, насколько подруга Трой была беспристрастна в своих суждениях.

Восторженную восемнадцатилетнюю толстушку звали Филлида Ли. Два года обучения в аскетическом Слайде не смогли подавить ее врожденную пылкость, но не прошли даром; в особых случаях Филлида могла вести себя сдержанно и даже величественно.

Уотт Хэчетт, юный австралийский протеже Трой, отличался крохотным ростом и очень темной кожей – он мог бы без труда играть юных мавров или туземцев-людоедов в голливудских фильмах. Район Сиднея, в котором он вырос, пользовался отнюдь не самой доброй славой, сам же Хэчетт был на удивление простодушен, самонадеян и трудолюбив, при этом буквально ни в грош не ставя чужое мнение. Особым эстетическим восприятием или исключительным художественным вкусом он не обладал, поэтому его несомненный талант был сродни паразитической лиане, обвившейся вокруг могучего серого ствола и вдруг пышно рассыпавшейся, словно мириадами радужных брызг, гирляндами неописуемо красочных орхидей.

С Седриком Малмсли мы уже познакомились. Пока рассказать о нем больше нечего.

Достопочтенному Бейсилу Пилгриму, сыну столь известного своими пуританскими взглядами пэра, было двадцать три года. Он обладал приятной, располагающей внешностью и несомненным талантом, однако в манере его письма сквозила некая робость. Его отец смотрел на художественные школы как на обители порока и разврата и разрешил сыну заниматься живописью под руководством мисс Трой исключительно потому, что ее родители выручили из беды его знакомых джентри⁵, а сама Трой в свое время написала монументальное полотно с изображением прихожан методистской церкви. По счастью, старый лорд, который даже в молодости блестящим умом не отличался, а в преклонном возрасте окончательно сделался сумасбродным олухом, не заметил иронии, сквозившей в картине.

Фрэнсис Ормерин – худощавый и шустрый француз – работал в основном углем и акварелью. Его рисунки обнаженной природы поражали изяществом линий и утонченным вкусом. Нервный и дерганый, Ормерин был подвержен приступам черной меланхолии и нередко хандрил. Из-за несварения желудка – считала Трой.

И наконец, Гарсия – никто почему-то не помнил, что его зовут Вольф. На его бледных и впалых щеках всегда темнела десятидневная щетина, по непонятным причинам не превращавшаяся в бороду; ходил он неизменно в засаленных серых брюках, выцветшей рубашке и совершенно немислимом плаще. Буйные темно-русые волосы, которых никогда не касалась расческа, темные дерзкие глаза, поразительно красивые руки и полная бесцеремонность – вот весь Гарсия. Два года назад он нагрянул без приглашения в лондонскую студию Трой. Вместо визитной карточки он протянул ей собственный бюст в глине, завернутый в мокрую и грязную

⁵ Нетитулованное мелкопоместное дворянство в Англии.

рубашку. Протиснувшись мимо художницы в прихожую, он прошагал в студию, развернул бюст и молча водрузил его на стол. Потом они с Трой долго стояли и молча разглядывали глиняную голову. Наконец Трой спросила, как его зовут и чего он хочет. «Гарсия», – буркнул молодой человек. Хотел он лепить с натуры, но в карманах всегда гулял ветер. Трой высказала замечания насчет его работы, дала ему двадцать фунтов и с тех пор так толком и не смогла избавиться от назойливого скульптора. Время от времени, порой – крайне не вовремя, он появлялся у нее в студии, причем всегда приносил новую работу. Выразить себя ему удавалось только в глине, а все остальное выходило маловразумительным. Зато глиняные скульптуры неизменно вызывали всеобщий восторг. Ходил Гарсия вечно невымытый, всклокоченный, был начисто лишен каких бы то ни было комплексов и не интересовался ничем, кроме своей работы. Трой всегда старалась хоть как-то помочь ему, и мало-помалу о творениях молодого скульптора заговорили. Гарсия начал работать в камне. Его попросили показать несколько работ на выставке группы «Возрожденный Феникс» и стали подкидывать заказы. Денег у него было всегда – кот наплакал, и многие люди его сторонились, хотя некоторые женщины находили его необыкновенно привлекательным, чем Гарсия беззастенчиво пользовался.

Уложив натурщицу в нужную позу, Трой подошла к Гарсии. Остальные пока расставляли мольберты и устраивались поудобнее. Трой остановилась и стала рассматривать «Комедию и Трагедию» – глиняную модель скульптурной композиции, заказанной Гарсии для нового театра в Вестминстере. Гарсия установил скульптуру на высоком постаменте с четырьмя колесами возле южного окна. Обе женские фигуры вздымались из цилиндрического основания. Комедия – полностью обнаженная, Трагедия – в аляповатой мантии. Маски они держали в руках над головой. По композиции подразумевалось, что эти фигуры представляют собой языки пламени. Формы были упрощены до предела. На лице Комедии застыло угрюмое выражение, Трагедия ехидно ухмылялась.

Гарсия с недовольной физиономией стоял рядом, ожидая, что скажет Трой.

– Что ж, – произнесла она. – Мне нравится.

– Я думал, что нужно... – Он замолк, изобразив руками шлейф, которым собирался прикрыть ноги Комедии.

– По-моему, не стоит, – сказала Трой. – Это нарушит общий строй. Впрочем, я в этом не специалист. Я ведь художница. А почему, кстати, позвольте спросить, вы решили устроиться в моей студии?

– Я решил, что вы не станете возражать. – Говоря, Гарсия глотал отдельные звуки, а его произношение немного напоминало кокни. – Через две недели я уже сметаю удочки. Нужно же мне было где-то поработать.

– Да, так вы и написали в своей записке. Вы опять без гроша?

– Да.

– А куда вы переедете через две недели?

– В Лондон. Мне предоставляют комнату.

– Где?

– Где-то в Ист-Энде, кажется. В помещении бывшего склада. Один знакомый парень уговорил владельца впустить меня туда. Он даст мне адрес. Я съезжу на недельку отдохнуть куда-нибудь, а потом примусь за скульптуру.

– Кто заплатит за камень?

– Мне пообещали хороший аванс.

– Понятно. Что ж, будем надеяться, что все так и будет. Теперь послушайте меня внимательно, Гарсия. – Трой оглянулась по сторонам и понизила голос. – Пока вы живете и работаете в моей студии, вы должны вести себя прилично. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Нет.

– Прекрасно понимаете. Никаких ваших шашней с женщинами я не потерплю. Вы все время крутитесь вокруг Сони. Вы с ней вместе живете?

– Когда хочется кушать – нужно кушать, – философски изрек Гарсия.

– У меня здесь не ресторан, зарубите это себе на носу, пожалуйста. Хорошо? Я видела, как вчера вы пытались заигрывать с Сиклифф. Этого я тоже не потерплю. В Татлерз-Энде не должно быть никаких псевдобогемных штучек, никакой свободной любви или даже обычного флирта. Это шокирует прислугу, да и вообще неприятно. Договорились?

– Угу, – ухмыльнулся Гарсия.

– Поза изменилась, – раздался голос Кэтти Босток из центра студии.

– Да, эт-та точно, – поддакнул Уотт Хэчетт. Остальные художники устремили на него неодобрительные взгляды. Австралийский акцент сиднейца был настолько выражен, что эффект получался почти комичный. Некоторые даже подозревали, что Хэчетт нарочно валяет дурака. В школе Трой было правило: новички раскрывают рот лишь тогда, когда к ним обращаются. Уотт об этом не знал, и Трой, которая люто ненавидела ссоры, всерьез беспокоилась из-за этого. Простодушию Хэчетта можно было позавидовать. Оно же порой делало его совершенно невыносимым. Трой подошла к мольберту Кэтти, посмотрела на четкий рисунок и перевела взгляд на натурщицу. Затем прошагала к подиуму и опустила правое плечо Сони в прежнее положение.

– Лежи вот так, Соня.

– Поза ну совершенно кошмарная, мисс Трой.

– Ничего, продержись еще немного.

Трой принялась расхаживать по студии, проверяя, как идут дела у ее учеников. Начала она с Ормерина, расположившегося на левом фланге.

– По-моему, чуть скованно, – сказала она, немного помолчав.

– Она ни секунды не лежит спокойно, – пожаловался француз. – Настоящая егоза. То дрыгает ногой, то водит плечами. Невозможно работать – совершенно невозможно.

– Начните заново. Сейчас она лежит правильно. Зарисуйте как есть. У вас получится, вот увидите.

– Последние три месяца были для меня сушей пыткой, – признался Ормерин. – От малаккенского сюрреализма меня выворачивало наизнанку. Хоть я его и не признавал, но, обучаясь в их школе, не мог не попробовать. Из-за этого я к вам и вернулся. В голове у меня полный бедлам.

– Начните с самого простого. А о стиле не беспокойтесь – он не пропадет. Возьмите новый подрамник и набросайте эскиз.

Переместившись к Вальме Сиклифф, Трой залюбовалась свободным полетом и изяществом линий рисунка художницы. Сиклифф тем временем отступила к Ормерину и сзади тронула его за плечо. Француз обернулся и зашептал ей на ухо.

– Я понимаю по-французски, – как бы невзначай обронила Трой, не отрываясь от рисунка. – Что ж, Сиклифф, очень хорошо. Вы специально удлинители ноги?

– Да, я ее такой воспринимаю. Вытянутой и угловатой. Говорят, многие художники изображают людей похожими на себя – это правда?

– Неужели? – вскинула брови Трой. – Я бы никому такого не посоветовала.

Она подошла к Кэтти и, высказав пару мелких замечаний, приблизилась к Уотту Хэчетту. Австралиец уже покрывал холст краской, готовя фон.

– Мне казалось, вы обычно начинали не с этого, – не сдержала удивления Трой.

– Угы, вы правы, – благодушно закивал Хэчетт. – Но мне вдруг втемяшилось в тыкву, что надо попробовать.

– Не потому ли, случайно, что вы подметили, как работает мисс Босток? – не без лукавинки поинтересовалась Трой.

Хэчетт улыбнулся, но смолчал, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Я бы все-таки советовала вам не отходить от своей манеры, – сказала Трой. – Как-никак вы еще начинающий живописец. Кстати, как по-вашему: эта ступня у вас получилась слишком большой или слишком маленькой?

– Слишком маленькой.

– А вот это место нужно вытянуть или расширить?

– Вытянуть.

– Вот так и сделайте.

– Угы, буу зделано, мисс Трой. А как вы думаете – этот цвет подойдет? – спросил Хэчетт, почтительно взирая на нее снизу вверх. – Или нет? – В его устах последнее слово прозвучало как «ню-ют».

– Цвет-то хороший, но я бы на вашем месте не стала раскрашивать холст, не закончив с рисунком. Исправьте рисунок.

– Угы – но только она все время елозит и извивается. Как червяк на крючке. Посмотрите, куда плечо заехало! Видите?

– Изменилась поза? – спросила Трой, обращаясь ко всем сразу.

– Ню-ют! – с ехидной мстительностью протянула Соня.

– Полностью изменилась, – вспыхнул Хэчетт. – Поспорим на все, что угодно...

– Минутку, – остановила его Трой.

– Да, она немного подвинулась, – подтвердила Кэтти Босток.

Трой вздохнула.

– Перерыв! – возвестила она. – Нет, постойте-ка... Она вытащила из кармана рабочего халата кусочек мела и обвела им силуэт Сони во всех местах, где обнаженное тело натурщицы соприкасалось с помостом.

– Вот теперь можешь встать.

Соня, всем видом выражая недовольство, сползла с подмостков и натянула кимоно. Трой расправила складки небесно-голубой драпировки.

– Ее придется всякий раз укладывать заново, – сказала она.

– Все точь-в-точь как в моем средневековом романе, – заметил Малмсли.

– А что – этот план мне кажется вполне осуществимым, – загорелась Вальма Сиклифф. – Может, попробуем? В чулане есть вполне подходящий китайский кинжал. Можно его взять, мисс Трой?

– Пожалуйста, если хотите, – кивнула Трой.

– Да ладно, может, не стоит? – лениво протянул Малмсли, вставая.

– Где он, мисс Сиклифф? – оживленно спросил Хэчетт.

– В чулане, на верхней полке.

Австралиец нырнул в чулан, расположенный возле окна, и минуту спустя появился, держа в руке угрожающего вида кинжал – тонкий и длинный. Хэчетт подошел к столу Малмсли и заглянул через плечо художника в гранки. Малмсли с подчеркнутой вежливостью отступил.

– Угы, я все усек, – ухмыльнулся Хэчетт. – Ну, наворочали! А неплохо бы так укукошить кого-нибудь, да?

Он поплевал на пальцы и перевернул страницу.

– Я вообще-то старался по возможности не пачкать рукопись, – заметил Малмсли, обращаясь в пустоту.

– Ладно, Малмсли, не занимайтесь чистоплюйством, – осадил его Трой. – Авы, Хэчетт, отдайте кинжал мне, а сами постарайтесь к чужим вещам не прикасаться. У нас так не принято.

– Угы, буу зделано, мисс Трой.

Пилгрим, Ормерин, Хэчетт и Вальма Сиклифф, собравшись в кружок, стали обсуждать, как лучше укрепить кинжал. К ним присоединилась и Филлида Ли.

– А в каком месте кинжал должен войти в тело? – спросила Сиклифф.

– Вот здесь, – сказал Пилгрим, тыкая ее пальцем в спину. – Напротив твоего сердца, Вальма.

Сиклифф повернулась и пристально посмотрела на него, слегка прищурившись. Хэчетт уставился на нее, открыв рот, а Малмсли заулыбался. Пилгрим слегка побледнел.

– А ты чувствуешь, как оно бьется? – тихо спросила Сиклифф.

Пилгрим судорожно сглотнул.

– Если я чуть подвину руку... да, – выдавил он.

– Да бросьте ерунду болтать! – возмутилась Соня Глюк. – Никого вы так не убьете. – Она прошагала к Гарсии и остановилась рядом с ним. – Правда, Гарсия?

Тот невнятно хрюкнул. Он, в свою очередь, пялился на Вальму Сиклифф.

– А откуда убийца знала, в какое место втыкать кинжал? – спросила вдруг Кэтти Босток. Она размалевывала свой холст, нанося фон.

– Может, мы сами попробуем? – вызвался Хэчетт.

– Пожалуйста, – пожала плечами Трой. – Только отметьте положение подиума, прежде чем передвинете его.

Бейсил Пилгрим обвел мелом контуры подиума, потом с помощью Ормерина перевернул его. Остальные сгрудились вокруг них, с интересом наблюдая за манипуляциями молодых людей. Определив по обрисованному мелом силуэту, где находится сердце, Ормерин нашел проекцию этой точки на обратной стороне помоста.

– Вот, смотрите, – сказал француз. – Ревнивая жена воткнула кинжал вот сюда.

– Но как она проткнула доску? – полюбопытствовал Бейсил Пилгрим.

– Лезвие можно просунуть в щель между досками, – неожиданно сказал Гарсия, не отходявший от своего окна.

– Ну и что? Тогда кинжал вывалится, если надавить на него сверху.

– Ничего подобного. Могу показать.

– Только не сломайте кинжал и не повредите подиум, – попросила Трой.

– А, усек! – взвился Хэчетт. – Кинжал ведь у основания толще. Доски его притиснут. Да, значит, так и вправду можно кого-нибудь укокошить. Спорней, может?

– Боюсь, что мне это не слишком интересно, – покачал головой Малмсли.

– Давайте попробуем, – загорелся Пилгрим. – Можно, мисс Трой?

– Да, давайте! – захлопала в ладоши Филлида Ли. Затем, перехватив взгляд Малмсли, сконфузилась. – Люблю кровавые сцены, – с деланной беззаботностью улыбнулась она.

– Очень уж грязный этот помост с изнанки, – поморщился Малмсли.

– Ах, какая жалость, если вы испачкаете свой хорошенький зеленый передничек! – хихикнула Соня.

Вальма Сиклифф звонко расхохоталась.

– А я и не собираюсь ничего делать, – развел руками Малмсли. – Гарсия предложил – пусть он и пробует.

– Валайте, ребята! – потер руки Хэчетт. – Ставлю пять бобиков⁶, что эта фигня сработает. Ей-ей сработает. Сущя динкуха⁷.

– Что все это значит? – изумилась Сиклифф. – Вы должны непременно обучить нас своему диковинному языку, Хэчетт.

– Запросто. – Глаза у Хэчетта разгорелись. – Из вас выйдет динковая асси.

– Асси? – изогнула брови Трой.

– Ну – австралийка, – пояснил Хэчетт.

⁶ Боб – шиллинг (англ.).

⁷ Динкум – правда, истина (австралийский диалект).

– Боже упаси! – возвел глаза к небу Малмсли. Соня хихикнула.
– Вам что, не нравятся австралийцы? – вызывающе спросил Хэчетт, выдвинув челюсть.
– Не особенно.
– Тогда вот что я вам скажу. У нас в Асе... в Сиднее даже начинающие натурщицы способны усидеть в любой позе больше десяти минут кряду.
– Подумаешь, – фыркнула Соня. – Судя по твоей мазне, тебе от этого проку мало.
– И перед учениками они своими жоп... задницами не вертят.
– Должно быть, такие физиономии им не по вкусу.
– Хватит, Соня! – жестко оборвала их перепалку Трой. – А вы, ребята, если хотите проверить свою гипотезу – поспешите. Через пять минут мы снова начинаем работать.

В досках, из которых был сколочен помост подиума, обнаружили щель, проходившую как раз через нужное место. Хэчетт снизу просунул в щель острое кинжала, а затем с помощью лотка от мольберта вбил его снизу по самую рукоятку. Когда после этого подмости вернули в прежнее положение, то все увидели, что острое кинжала проходит прямо через нарисованный синим мелком крест, которым поместили сердце жертвы. Бейсил Пилгрим взял шелковую драпировку и, перебросив ее через подушку, прикрыл краешком кончик кинжала.

– Видите, ткань свешивается свободно и под ней ничего не заметно, – пояснил он.

– Угыы, а я вам что говорил! – торжествующе провозгласил Хэчетт.

Гарсия покинул свое рабочее место и присоединился к остальным.

– Ну что, Соня, может быть, займешь прежнюю позу? – ухмыльнулся он.

Натурщица содрогнулась.

– Перестань, – поморщилась она.

– Интересно, выйдет ли кончик наружу под левой грудью? – полюбопытствовал Малмсли. – Неплохо было бы изобразить его на иллюстрации. Неясную тень и ручеек крови. Все выдержано в строгих черно-белых тонах, и вдруг – ярко-алая струйка. Как-никак это ведь мелодрама.

– Типичная, – ухмыльнулся Гарсия.

– Что ж, Малмсли, – произнесла Трой. – Вы можете воспользоваться случаем и зарисовать все как есть.

Малмсли улыбнулся, уселся на свое место и взялся за эскиз. Вальма Сиклифф склонилась над ним, опершись на его плечи. Хэчетт, Ормерин и Пилгрим стояли рядом, обступив их полукругом. Пилгрим одной рукой обнимал Вальму за талию. Филлида Ли суетилась поблизости. Трой, обведя взглядом группу, со вздохом убедилась, что ее худшие опасения сбываются. Уотт Хэчетт уже успел поцапаться и с Малмсли, и с натурщицей. Вальма Сиклифф откровенно играла в Клеопатру, а Гарсия уединился в углу с Соней. Что-то в их лицах привлекло внимание Трой. Что, черт побери, они задумали? Глаза Гарсии были прикованы к кучке, сгрудившейся вокруг Малмсли, на губах играла странная улыбка. Не понравилось Трой и то, как улыбалась Соня.

– Хватит, Хэчетт, – сказала она. – Вытаскивайте кинжал и принимайтесь за работу.

Вынуть кинжал оказалось еще более непростым делом, чем забить между досками. Наконец все было кончено, подиум водрузили на место, а Соня, ворча и огрызаясь, улеглась в прежнюю позу.

– Чуть больше веса на правое плечо, – подсказала Кэтти Босток.

Трой надавила на плечо натурщицы. Драпировка складками опустилась на нагое тело.

– Ой! – вырвалось у Сони.

– Во, как будто кинжал воткнулся, – усмехнулся Малмсли.

– Не надо, мне плохо будет, – взмолилась Соня. Гарсия хмыкнул.

– Пронзил насквозь ребра и вышел прямо под левой грудью, – не унимался Малмсли.

– Прекратите!

– Как у цыпленка на вертеле.

Соня приподняла голову.

– Что-то вы слишком развеселились, мистер Малмсли, – сказала она. – И откуда вы черпаете свое вдохновение? Из книжек? Или из порнографических журналов?

Кисть выскользнула из пальцев Малмсли прямо на бумагу, основательно заляпав ее свежей краской. Малмсли выругался себе под нос, ожег натурщицу свирепым взглядом и принялся лихорадочно оттирать свой рисунок влажной губкой. Соня злорадно захихикала.

– Господи, – в сердцах произнесла Кэтти Босток. – Ты ляжешь наконец как следует или нет?

– Тихо! – скомандовала Трой. Ее послушались. – Принимайтесь за работу. Выставка открывается шестнадцатого числа. Думаю, многие из вас захотят поехать в Лондон, чтобы принять в ней участие. Я, так и быть, отпущу на тот уик-энд слуг, а мы продолжим работу в понедельник.

– Если эта штука у меня получится, я ее выставлю, – сказала Кэтти Босток. – Если нет – сдам в музей.

– Думаю, на просмотр вы поедете все? – спросила Трой.

– Кроме меня, – мотнул головой Гарсия. – Я хочу куда-нибудь смотаться.

– А мы с тобой как? – спросила Вальма Сиклифф Бейсила Пилгрима.

– Как скажешь, милая.

– «Мы»? – изумилась Трой. – «Милая»? Что это значит?

– Скажем им, Бейсил, – мило улыбнулась Вальма Сиклифф. – К чему скрывать? Только не падайте в обморок. Вчера вечером мы обручились.

Глава 4

Уголовное дело для мистера Аллейна

Стоя на коленях на садовом коврикe, леди Аллейн посмотрела на сына:

– Что ж, мой дорогой, мне кажется, для одного дня мы посадили уже вполне достаточно. Увози свою тачку и иди в дом. Тяпнем по стаканчику хереса и поболтаем. Мы заслужили.

Старший инспектор Аллейн послушно затрусил по дорожке, толкая перед собой тяжеленную тачку. Вывалив ее содержимое в костер, он смахнул со лба капельки пота и прошагал в дом. Полчаса спустя, приняв ванну, он присоединился к матери, поджидавшей его в гостиной.

– Садись к камину, сыночек. Наливай себе херес. Я сберегла самую лучшую бутылку для нашего прощального вечера.

– Мадам, – с чувством произнес Аллейн, – вы – идеальная женщина.

– Нет, всего-навсего идеальная мама. Я люблю польстить себе, почитая себя хорошей воспитательницей. Ах, как тебе идет вечерний костюм, Родерик! Жаль, твоему брату недостает твоего шика. Джордж всегда выглядит слишком расхлябанным.

– Джордж – славный малый, – улыбнулся Аллейн.

– Да, я его тоже люблю.

– Вино и впрямь замечательное. Жаль, что это наш последний вечер. Три дня у Батгейтов и – письменный стол, телефон, незабываемые запахи Ярда и славный старина Фокс, улыбающийся до ушей. Впрочем, я уже изрядно соскучился по работе.

– Родерик, – укоризненно произнесла леди Аллейн. – Ну почему ты не хочешь прогуляться со мной в Татлерз-Энд?

– По одной простой причине, мамуля: сердечный прием меня там не ждет.

– Почему ты так думаешь?

– Мисс Трой меня на дух не выносит.

– Ерунда! Она очень милая и толковая молодая особа.

– Мамочка, дорогая!

– Зайдя к ней, я пригласила ее отужинать с нами, пока ты здесь. Она согласилась.

– А потом отказалась.

– Согласись, у нее была веская причина.

– Допустим, – кивнул Аллейн. – Она ведь, как ты выразилась, очень толковая молодая особа.

Леди Аллейн перевела взгляд на висевший над камином портрет сына.

– Нет, дорогой, не может она к тебе так относиться. Судя по этому портрету, ты ошибаешься.

– Эстетическое восприятие объекта живописи не имеет ничего общего с личным отношением.

– Вздор! Не болтай напыщенную чепуху о вещах, в которых не смыслишь.

Аллейн усмехнулся.

– И вообще, – величественно продолжила леди Аллейн. – Ты стал жутко упрямым и своенравным.

– Мамочка, – взмолился Аллейн. – Можно подумать, что виноват я, а не эта особа!

– Я вовсе тебя не виню, Родерик. Налей себе еще. Нет-нет, мне не надо.

– Как бы там ни было, я рад, что этот портрет достался тебе, – сказал Аллейн.

– А в Квебеке ты с ней часто встречался?

– Нет, мамуля, – улыбнулся Аллейн. – Совсем немного. Мы с ней раскланивались, когда наступало время трапезы, и порой вели светскую беседу в гостиной. В последний вечер я сводил ее в театр.

– Ну а там хоть лед растаял?

– Нет, но мы держались очень вежливо.

– Ха! – хмыкнула леди Аллейн.

– Мамочка, – сказал Аллейн. – Ты же знаешь, я – сыщик. – Он приумолк, с улыбкой глядя на нее. – Ты просто очаровательна, когда краснеешь.

– Да, Родерик, не стану скрывать, я была бы счастлива женить тебя.

– Ну подумай сама – зачем я ей сдался? Выбрось эти мечты из головы, мамулик. Я сомневаюсь даже, выдастся ли мне вообще еще случай перекинуться словом с мисс Агатой Трой.

В гостиную вошла горничная:

– Звонят из Лондона, мадам. Просят позвать мистера Родерика.

– Из Лондона? – скривился Аллейн. – Боже мой, Клибборн, неужели ты не могла сказать, что меня только что похоронили? Или похитили инопланетяне.

Клибборн улыбнулась терпеливой улыбкой хорошо вышколенной служанки и распахнула дверь.

– Извини, мамочка, – сказал Аллейн и поспешил к телефону.

Уже снимая трубку, Аллейн ощутил неприятное легкое покалывание в затылке – предвестник дурных новостей, которые так часто сопровождали неожиданные звонки из Лондона. Предчувствие не обмануло Аллейна. Он ничуть не удивился, услышав знакомый голос:

– Мистер Аллейн?

– Собственной персоной. Это вы, Уоткинс?

– Да, сэр. Очень рад вас слышать. Заместитель комиссара хотел бы поговорить с вами, сэр.

– Я готов!

– Мистер Аллейн? – ворвался в трубку новый голос.

– Здравствуйте, сэр.

– Вы можете идти, Уоткинс, я вас потом вызову. – Непродолжительное молчание, потом: – Как дела, Рори?

– Все прекрасно, спасибо, сэр.

– Готов выйти на работу?

– Да. Вполне.

– Что ж, тогда слушай. Как ты относишься к тому, чтобы впрячься в работу на три дня раньше срока? Дело в том, что преступление случилось буквально в двух шагах от твоего дома, а местная полиция обратилась к нам. Если согласишься, ты нас здорово выручишь.

– Разумеется, сэр, – с упавшим сердцем ответил Аллейн. – Когда приступить?

– Немедленно. Речь идет об убийстве. Запиши адрес: Татлерз-Энд...

– Что? Прошу прощения, сэр. Слушаю.

– Там закололи женщину. Ты, случайно, не знаешь это место?

– Знаю, сэр.

– Тр-ри минуты, – задрезжала телефонистка.

– Продлите время, пожалуйста. Рори, ты меня слышишь?

– Да, сэр, – ответил Аллейн, заметив, что телефонная трубка в его руке вдруг стала почему-то липкой.

– Этот дом принадлежит художнице, мисс Агате Трой.

– Я знаю.

– Все подробности узнаешь от местного суперинтенданта Блэкмана – он сейчас находится там, на месте преступления. Убили натурщицу, и все обстоятельства смахивают на умышленное убийство.

– Простите, я не расслышал.

– Я говорю, что жертва – натурщица. Я уже выслал к тебе Фокса со всей командой. Очень признателен. Извини, что пришлось потревожить тебя раньше понедельника.

– Ничего, сэр.

– Вот и замечательно. Жду твоего рапорта. И тебя самого, разумеется. Жму лапу. До скорого.

– До свидания, сэр.

Аллейн возвратился в гостиную.

– Ну что? – спросила мать. В следующий миг, увидев лицо сына, она выпрыгнула из кресла и подлетела к нему. – Что стряслось, старина?

– Ничего, мэм. Из Ярда звонили. Хотят, чтобы я провел расследование. Это здесь, в Татлерз-Энде.

– И что там такое?

– Похоже, убийство.

– Родерик!

– Нет, нет. Хотя в первое мгновение я тоже об этом подумал. Убили натурщицу. Я должен ехать не мешкая. Могу я взять твою машину?

– Конечно, дорогой. – Леди Аллейн нажала на кнопку звонка и, когда вошла Клибборн, попросила: – Клибборн, принеси пальто мистера Родерика и скажи, чтобы Френч приготовил машину.

Когда Клибборн удалилась, старушка стиснула сухонькой рукой ладонь Аллейна.

– Пожалуйста, передай мисс Трой, что я буду счастлива ее видеть...

– Да, моя хорошая. Спасибо. Но сперва я должен разобраться в случившемся. Не забудь – речь идет об убийстве.

– Надеюсь, ты не сразу включишь Агату Трой в число подозреваемых?

– Если такое случится, я немедленно уволюсь. Спокойной ночи. Не жди меня – я могу задержаться.

Вошла Клибборн с его пальто.

– Допей херес, – велела мать. Аллейн послушно осушил стакан. – И, Родерик, загляни ко мне, когда бы ты ни вернулся.

Аллейн поклонился, легонько чмокнул мать в щеку и поспешил на улицу.

Вечер стоял зябкий, похоже даже – намечался легкий морозец. Аллейн отпустил шофера и уселся за руль сам. По пути в его мозгу отчетливо представились три картины. Причал в Суве. Агата Трой в замасленном рабочем халате любит морем, а свежий бриз треплет ее волосы. Агата Трой прощается с ним на берегу реки Святого Лаврентия.

Мощные фары автомобиля выхватили из темноты заросли рододендрона и стволы деревьев, а за ними – закрытые ворота и фигуру констебля. В лицо Аллейну брызнул луч фонарика.

– Прошу прощения, сэр...

– Все в порядке. Старший детектив-инспектор Аллейн из Скотленд-Ярда.

Констебль отдал честь.

– Вас ждут, сэр.

Ворота распахнулись, и Аллейн проехал внутрь. Аллейну показалось, что прошла целая вечность, прежде чем он подкатил по длинной извилистой подъездной аллее к ярко освещенному крыльцу. Там его встретил другой констебль и провел в уютный холл, где приятно потрескивал зажженный камин.

– Я передам суперинтенданту, что вы приехали, – сказал констебль, но в эту самую минуту слева открылась дверь и из нее вынырнул тучный человек с багровой физиономией.

– О, привет, привет! – радостно расплылся он. – Рад, что вы приехали, старина. Целую вечность вас не видел.

– Да уж – вечность, – сказал Аллейн. Они обменялись рукопожатием. Блэкман служил в Боссикоте суперинтендантом уже шесть лет, но они были знакомы с Аллейном и прежде. – Надеюсь, я не слишком закопался?

– Напротив, вы примчались как ветер. Не прошло и получаса после нашего звонка в Ярд. Там сказали, что вы здесь, в гостях у мадам. Давайте, проходите сюда.

Он провел Аллейна в очаровательную гостиную с бледно-серыми обоями и полосатыми вишнево-лимонными шторами.

– Что вам уже известно, мистер Аллейн?

– Только то, что закололи натурщицу.

– Да. Странная история. Я бы сам взялся за это дело, да только мы повязаны по рукам и ногам крупным ограблением ювелирного магазина, а людей у нас, сами знаете, раз-два и обчелся. Вот комиссар и решил обратиться в Ярд. Он, кстати, был здесь, но только что уехал. Присядьте, и я расскажу вам обстоятельства дела, а потом мы пойдем и взглянем на тело. Вас это устраивает?

– Вполне, – кивнул Аллейн.

Блэкман открыл пухлую записную книжку и начал рассказывать, время от времени заглядывая в нее:

– Особняк принадлежит члену Королевской художественной академии мисс Агате Трой, которая третьего сентября возвратилась сюда после годичного пребывания за границей. Во время ее отсутствия в Татлерз-Энде проживала мисс Кэтти Босток, тоже художница. Мисс Трой взяла себе в ученики с постоянным проживанием восемь молодых людей, которые уже собрались здесь к моменту ее приезда. Проживала здесь также и двадцатидвухлетняя Соня Глюк, которую мисс Босток наняла в качестве натурщицы на предстоящий семестр. Официально занятия должны были начаться с десятого сентября, но фактически люди работали уже с третьего. Начиная с десятого и до пятницы, шестнадцатого сентября, по утрам они ежедневно работали с обнаженной натурщицей. Шестнадцатого, три дня назад, класс отпустили на уик-энд, чтобы желающие смогли принять участие в лондонской выставке. Слуг в пятничный вечер тоже отпустили – они отправились в кино, в Бакстонбридж. Вольф Гарсия, один из студентов, не имеющий постоянного места проживания, оставался в студии. Дом был заперт. Гарсия, как говорят, уехал в субботу, позавчера. Во всяком случае, когда мисс Трой вернулась в субботу днем домой, Гарсии уже не было. Остальные ученики возвратились в воскресенье, вчера – кто на машине, кто на автобусе. Сегодня утром, девятнадцатого сентября весь класс собрался в студии – это отдельное здание, находящееся примерно в сотне ярдов к юго-востоку от восточного крыла особняка. Вот, кстати, план особняка и студии. А вот – внутренняя планировка студии.

– Прекрасно, – кивнул Аллейн, разложив бумаги перед собой на небольшом столике.

Блэкман откашлялся и возобновил свой рассказ:

– В половине одиннадцатого все ученики, за исключением отбывшего куда-то Гарсии, были готовы приступить к работе. Мисс Трой распорядилась, чтобы они начинали без нее. Так у них заведено, за исключением тех случаев, когда натурщице задают новую позу. Натурщица приняла позу, в которой позировала ежедневно, начиная с десятого сентября. Она лежала частично на отрезе шелковой ткани, частично – на голых досках подиума. Полностью обнаженная. Сначала она легла на правый бок. Одна из студенток, мисс Вальма Сиклифф, проживающая в Лондоне по адресу: Партингтон-Мьюз, 8, обхватила натурщицу за плечи и резко опустила левое плечо вниз, прижав его к доскам подиума. Так у них уже повелось. Глюк громко

выкрикнула «Не надо!», но, поскольку она всегда противилась этой позе, мисс Сиклифф не обратила на нее внимания и прижала еще сильнее. Глюк тогда издала, по словам мисс Сиклифф, слабый стон, странно дернулась и затихла. Мисс Сиклифф громко произнесла: «О, не притворяйся, Соня!» – и уже хотела встать и отойти, когда обратила внимание на то, что натурщица выглядит неестественно. Она позвала остальных посмотреть, в чем дело. Первой подошла мисс Кэтти Босток, а за ней двое учеников – мистер Уотт Хэчетт, австралиец, и мистер Фрэнсис Ормерин, француз. Хэчетт сказал: «Она в обмороке». Мисс Босток сказала: «Отойдите». Она пригляделась к натурщице. По ее словам, ресницы девушки легонько трепетали, а ноги слегка подергивались. Мисс Босток попыталась приподнять Глюк. Она обхватила ее за плечи и потянула. Сначала она ощутила странное сопротивление, но потом тело вдруг легко подалось. Мисс Сиклифф громко закричала, что видит на шелке кровь. Мистер Ормерин произнес: «Монг дье⁸, кинжал!»

Мистер Блэкман снова прокашлялся и перевернул страницу.

– Тогда все заметили, что из голубого шелка торчит острие тонкого кинжала. Его просунули снизу в щель между досками помоста. Кинжал все еще там – мисс Трой, узнав, что случилось, распорядилась, чтобы никто ни к чему не прикасался. При обследовании Глюк обнаружено проникающее ранение в области четвертого ребра в трех дюймах левее позвоночника. Из раны вытекала кровь. Мисс Босток попыталась остановить кровотечение с помощью какой-то тряпочки, а пришедшая в эту минуту мисс Трой отправила мистера Бейсила Пилгрима – это тоже один из учеников – звонить врачу. Доктор Амтхилл, прибывший десятью минутами спустя, констатировал смерть. По словам мисс Трой, Глюк умерла через несколько минут после ее – мисс Трой – прихода в студию. Перед смертью Глюк ничего не сказала.

Мистер Блэкман закрыл книжечку и положил на стол.

– Это только мои рабочие записи, – скромно сказал он. – Рапорт я еще не составил.

– Все и так ясно, – вздохнул Аллейн. – Вы уже могли бы выступить перед присяжными. Жирная физиономия суперинтенданта блаженно расплылась.

– Времени у нас было не много, – заметил он. – Странная история. Мы уже сняли у всех показания. Кроме Гарсии, конечно. В свете случившегося его исчезновение выглядит несколько подозрительным, но, говорят, он вроде бы заранее предупредил, что в субботу утром отправится путешествовать автостопом, а примерно через неделю объявится в Лондоне. У нас есть адрес – он распорядился отправить туда свой багаж. В субботу, в три часа дня, когда вернулась мисс Трой, его багаж уже отправили. Мы пытаемся связаться с почтовой службой, но пока не нашли курьера, которому поручили доставку его вещей. Судя по всему, Гарсия жил прямо в студии и вещи его хранились там же. Я отправил циркуляр в полицейские участки на пятьдесят миль вокруг, указав приметы Гарсии. Вот его описание: рост – около пяти футов девяти дюймов, лицо бледное, глаза карие, очень худой. Волосы темные и густые, довольно длинные. Одет обычно в старые серые брюки и плащ. Шляпу не носит. Возможно, имеет при себе рюкзак с рисовальными принадлежностями. Вообще-то он больше скульптор, но в свободное время любит рисовать. Все это мы выяснили в ходе опроса свидетелей. Хотите взглянуть на их показания?

Аллейн на мгновение задумался, потом покачал головой.

– Нет, – сказал он. – Я бы хотел сначала поговорить с мисс Трой. Тем более что мы с ней знакомы.

– Неужели? Должно быть, ее милость, будучи... как бы сказать... соседкой...

– Это чисто шапочное знакомство, – прервал его Аллейн. – А что там у нас с врачами?

⁸ Искаженное от «Mon Dieu!» – Боже мой! (фр)

– Я обещал доктору Амтхиллу, что дам ему знать, как только вы появитесь. Он официально числится в штате полиции. В справочнике его фамилия идет первой – вот Пилгрим и вызвал его.

– Да, удачно вышло. Что ж, мистер Блэкман, тогда свяжитесь с ним, а я пока побеседую с мисс Трой...

– Хорошо.

– Скоро уже придут Фокс и компания. Тогда мы вместе последуем на место преступления. Где я могу найти мисс Трой?

– В кабинете. Я вас провожу. Это на противоположной стороне холла.

– Спасибо, я сам.

– Ладно, я свяжусь с врачом и присоединюсь к вам. Все ученики по моему распоряжению сидят в столовой под присмотром констебля. Пестрая компания подобралась, – сказал Блэкман, устремляясь вслед за Аллейном. – Художники, одно слово. Сами увидите. Вон там – дверь в библиотеку. Я – мигом.

Аллейн пересек холл, постучал в дверь и вошел.

Комната была длинная, у дальней стены горел камин. Отблески пламени тускло отражались на корешках бесчисленных книг, плотные ряды которых высились до самого потолка. Других источников света в кабинете не наблюдалось. Войдя из ярко освещенного холла, Аллейн не сразу привык к темноте и остановился в проеме двери.

– Кто там? – послышался голос. – Вы хотите со мной поговорить?

Аллейн разглядел в полумраке хрупкую стройную фигурку девушки, сидевшей в кресле возле камина.

– Это я, – сказал Аллейн. – Родерик Аллейн.

– Вы!

– Извините, что нагрянул без приглашения. Я думал, может быть, вам...

– Но... О, конечно же, проходите.

Тонкая фигурка приблизилась к нему и протянула руку. Аллейн извиняющимся тоном произнес:

– Здесь довольно темно. Глаза еще не привыкли...

– Ах да! – Короткое движение – и возле стены вспыхнул торшер. Теперь Аллейн наконец увидел ее отчетливо. На Трой было длинное неброское платье темного цвета. Выглядела она почему-то выше, чем ему помнилось. Лицо, обрамленное коротко стриженными черными волосами, казалось совсем бледным. Аллейн легонько пожал протянутую ему руку, чуть задержав ее в своей, а затем приблизился к камину.

– Очень мило, что вы пришли.

– Не уверен. Я приехал по долгу службы.

Трой вздрогнула и как-то сразу ошетибилась.

– Извините. Я сказала глупость.

– Если бы я не был полицейским, – поспешно добавил Аллейн, – я, наверное, в любом случае пришел бы к вам. А вы могли бы смело послать меня на все четыре стороны, как при нашей первой встрече.

– Вы всегда будете напоминать мне о моих дурных манерах?

– Нет, я вовсе этого не хотел. И потом, я не нахожу ваши манеры дурными. Мы можем где-нибудь присесть?

– Разумеется.

Они сели возле камина.

– Что ж, – сказала Трой. – Доставайте свой блокнот. Аллейн похлопал себя по карману пиджака.

– Да, он и в самом деле здесь, – сказал он. – В последний раз я пользовался им в Новой Зеландии. Вы, кстати, еще не ужинали?

– Это имеет отношение к делу?

– Будет вам, – улыбнулся Аллейн. – Не превращайтесь во враждебно настроенного свидетеля еще до начала военных действий.

– Не надо зубоскалить! О, черт – опять нагрубил! Да, спасибо, я поковыряла кусок жилистой курицы.

– Отлично! Значит, стакан портвейна вам не повредит. Мне не предлагайте – на службе пить не положено. Разве что с коварным умыслом подпоить свидетеля. Вас, должно быть, сильно потрясло это происшествие?

С минуту помолчав, Трой ответила:

– Покойники всегда наводят на меня ужас.

– Понимаю, – кивнул Аллейн. – Я тоже когда-то боялся мертвецов. До войны. Впрочем, я и теперь не могу относиться к смерти спокойно.

– Она была такой юной и глупенькой... Скорее хорошенький зверек, чем разумная женщина. И вдруг – такое. Она даже мертвая выглядит скорее удивленной... Как при жизни.

– Да, – вздохнул Аллейн. – Хотя порой такие наивные простушки оказываются умнее, чем кажутся с виду. Родные или близкие у нее есть?

– Понятия не имею. Она не состояла в браке – официально по крайней мере.

– Ладно, это мы выясним сами.

– Что я должна сделать? – спросила Трой.

– Расскажите мне об этой девушке все, что вы знаете. Как она погибла, мне известно, и как только мои люди приедут из Лондона, мы перейдем в студию. Пока же я хочу знать, нет ли у вас каких-нибудь мыслей относительно причин произошедшего. Спасибо, что распорядились ничего не трогать. К сожалению, не многие способны подумать об этом в такую минуту.

– Нет, никаких мыслей у меня нет, но об одном я хочу вас предупредить сразу. Я запретила своим студентам отвечать на вопросы полицейских. Я знала, что от волнения они наговорят всяких глупостей, и решила первой дать показания.

– Понимаю.

– Я готова дать их сейчас.

– Официально? – небрежным тоном спросил Аллейн.

– Как хотите. Перевернув подиум, вы увидите, что кинжал вставлен снизу в щель между досками.

– Вот как?

– Почему вы не спрашиваете, откуда мне это известно?

– Я ожидал, что вы сами это скажете. Так ведь?

– Да. Десятого сентября утром, когда я впервые уложила натурщицу в эту позу, я специально постаралась сделать так, чтобы со стороны сразу было понятно, каким образом произошло убийство. Дело в том, что один из моих учеников, Седрик Малмсли, иллюстрирует книгу, в которой описан именно такой способ убийства. – Трой ненадолго умолкла, глядя на весело мелькавшие в камине языки пламени. – Во время перерыва ученики заспорили, можно ли и в самом деле убить человека так, как описано в той книге. Хэчетт, другой мой ученик, отыскал в чулане кинжал и воткнул его снизу между досками. Ормерин помогал ему. Подиум – мы также называем его помостом или подмостками, как придется, – сколотили для меня в деревне, и между досками есть щели. Ближе к концу клинок кинжала намного уже, чем у основания. Кинжал легко пролез в щель, но чтобы загнать его на всю длину, пришлось стучать по рукоятке лотком от мольберта. Тогда клинок прочно засел между досками. Вы все это увидите сами, когда посмотрите.

– Да. – Аллейн отметил что-то в своем блокноте и выжидательно посмотрел на Трой.

– Покрывало – или драпировка – было наброшено таким образом, чтобы скрыть кинжал от посторонних глаз, – все это, должна признаться, смотрелось весьма убедительно. Соня выглядела... да, она казалась сильно напуганной. Затем Хэчетт выдернул кинжал – это потребовало от него серьезных усилий, – и мы продолжили занятия.

– А куда дели кинжал?

– Дайте подумать. Кажется, Хэчетт куда-то убрал его.

– Вопрос практический: как вам удалось определить, в каком месте кинжал пронзил тело?

– Положение фигуры натурщицы очерчено на досках помоста мелом. Укладываясь в заданную позу, Соня сначала ложилась на правый бок, а затем с помощью кого-нибудь из учеников принимала на досках точное положение. Я могу нарисовать вам.

Аллейн раскрыл блокнот на чистой странице и вручил ей вместе с карандашом. Трой провела десяток линий и вернула ему блокнот.

– Как здорово! – воскликнул Аллейн. – Поразительно, как легко вам это удается.

– Мне уже будет не просто забыть эту позу, – сухо ответила Трой.

– Вы упомянули драпировку, – сказал Аллейн. – Она не закрывала отметин, сделанных мелом?

– Только местами. Она ниспадала с подушки на доски. Ложась в позу, Соня немного сдергивала ткань. Возникавшие при этом естественные складки смотрелись куда лучше, чем заготовленные заранее. Когда ученики возились с кинжалом, они без труда определили положение сердца, пользуясь нарисованным силуэтом. Одна из щелей проходила как раз через нужную точку. Хэчетт просунул в щель карандаш, и они сделали отметку с обратной стороны.

– Не могло ли случиться так, что ваши ученики повторили этот эксперимент в пятницу, но потом забыли извлечь кинжал?

– Да, мне это тоже пришло в голову. Я их расспросила. Умоляла сказать мне всю правду. – Трой горестно всплеснула руками. – Любую, самую страшную правду, лишь бы не думать, что кто-то... подстроил это нарочно. Я... Мне невыносима сама мысль об этом. Как будто в ком-то из них затаился дьявол, который вдруг вырвался и... совершил это чудовищное злодеяние.

Она всхлипнула и отвернулась.

Аллейн выругался сквозь зубы.

– О, не обращайтесь на меня внимания, – попросила Трой. – Я выдержу. Так вот, насчет пятницы. В то утро, с десяти до половины первого, мы, как всегда, работали с натурой. В час пообедали. Затем отправились в Лондон. Вечером ожидался отбор картин для выставки; кое-кто из моих учеников заявил туда свои работы. Вальма Сиклифф и Бейсил Пилгрим, которые накануне объявили, что намерены пожениться, отбыли в двухместном автомобиле Пилгрима сразу после обеда. На выставку они не собирались. Думаю, они отправились к нему домой – известить родных о радостном событии. Мы с Кэтти Босток уехали на моей машине примерно в половине третьего. Хэчетт, Филлида Ли и Ормерин сели на трехчасовой автобус. Малмсли собирался еще поработать, поэтому задержался до шести. В четверть седьмого он сел на автобус и присоединился к нам на выставке. Насколько я знаю, Филлида Ли и Хэчетт где-то перекусили, а потом отправились в кино. Филлида пригласила австралийца провести уик-энд вместе с ней, в лондонском доме ее тетки.

– А натурщица?

– Соня села на автобус, который отправлялся в половине четвертого. Где и как она провела уик-энд, я не знаю. Возвратилась она вчера вечерним автобусом вместе с Малмсли, Ормерин, Кэтти Босток, Хэчеттом и Филлидой Ли.

– В пятницу, по окончании занятий, вы ушли из студии все вместе?

– Я... Позвольте подумать. Нет, не могу вспомнить. Обычно мы возвращаемся группами. Кто-то еще заканчивает работу, кто-то – чистит палитры и так далее. Постойте-ка. Да, мы с Кэтти ушли вдвоем, раньше остальных. Вот все, что мне известно.

- Вы заперли студию, прежде чем уехать в Лондон? – спросил Аллейн.
- Нет. – Трой повернула голову и посмотрела на него в упор.
- Почему?
- Из-за Гарсии.
- Блэкман рассказал мне про Гарсию. Он ведь задержался дольше остальных, да?
- Да.
- Один?
- Да, – понуро ответила Трой. – Совершенно один. В дверь постучали. В следующий миг она распахнулась и в ярко освещенном проеме возник Блэкман.
- Мистер Аллейн, доктор приехал, и, по-моему, подъезжает машина из Лондона.
- Спасибо, – кивнул Аллейн. – Я сейчас приду. Блэкман прикрыл за собой дверь. Аллейн встал и посмотрел на Трой, которая сидела в кресле:
- Можно, я загляну к вам перед уходом?
- Я буду здесь или в столовой вместе с остальными. Им, должно быть, не слишком приятно сидеть там взаперти под бдительным оком местного констебля.
- Надеюсь, это не затянется надолго, – произнес Аллейн.
- Внезапно Трой протянула ему руку.
- Я рада, что здесь именно вы, – с чувством произнесла она.
- Аллейн мягко сжал ее ладонь.
- Постараемся причинить вам как можно меньше хлопот, – пообещал он. – А пока – оставляю вас.

Глава 5

Привычная работа

Когда Аллейн вышел в холл, тот кишел людьми. Нагрянула скотленд-ярдовская братия, и расследование перешло в привычную процедуру. При виде до боли знакомых фигур в плащах и котелках у Аллейна защемило сердце: как будто и не было года, проведенного вдали от берегов туманного Альбиона. Один из вновь прибывших, рослый и плечистый, при виде Аллейна засиял и расплылся до ушей. Старина Фокс!

– Как же я рад видеть вас, сэр!

– Привет, Фокс, дружище!

А вот и сержант Бейли, который при виде Аллейна утратил целую сотую своей всегдашней угрюмости, и верный служака – сержант Томпсон. Сиплые голоса дружно пролаяли:

– Рады вас видеть, сэр!

Суперинтендант Блэкман, улыбаясь, созерцал радостную встречу. Дождавшись, пока обмен приветствиями и рукопожатиями подойдет к концу, он представил Аллейну лысого человечка, невысокого и очень опрятного:

– Инспектор Аллейн, позвольте представить: доктор Амтхилл, наш полицейский врач.

– Здравствуйтесь, мистер Аллейн. Мне сказали, вы хотели меня видеть. Извините, что заставил вас ждать.

– Я совсем недавно приехал, – сказал Аллейн. – Пойдемте, взглянем на место преступления.

Блэкман провел их по коридору и отомкнул дверь, открывавшуюся прямо в сад. В воздухе пахло вечерней сыростью. Тьма уже сгустилась.

– Позвольте, я покажу дорогу, – вызвался Блэкман. Длинный луч фонарика выхватил из темноты фрагмент извилистой тропы. Построившись гуськом, полицейские зашагали вслед за суперинтендантом. Невидимые во тьме ветви деревьев царапали щеки Аллейна, словно крючковые старушечьи пальцы. Наконец впереди замаячил совсем черный прямоугольник.

– Эй, Слит, ты там? – окликнул Блэкман.

– Да, сэр, – отозвался из темноты невидимый голос. Загромыхали ключи и заскрипели дверные петли.

– Подождите минутку, я найду выключатель, – сказал Блэкман. – Готово.

Вспыхнул свет. Аллейн обогнул деревянную перегородку и очутился в студии.

В нос ему шибанул едкий запах краски и терпентина, а в глаза брызнул сноп света. Мощная лампа, установленная на потолке, заливала подиум светом, словно хирургический стол в операционной. Блэкман повернул только один выключатель, поэтому освещенным оставался только подиум. При всем желании трудно было достичь более драматического эффекта. Голубая шелковая драпировка сияла столь ослепительно, что резала глаз. Складки ниспадали волнами, пронзенные посередине окровавленным кинжалом. Торчавшее, как гвоздь, лезвие отбрасывало зловещую тень на голубую ткань. С краю композиции, внезапно растворяясь в тени, расположился вытянутый белый холм.

– Ни к драпировке, ни к ножу никто не притрагивался, – доложил Блэкман. – Хотя что-то, разумеется, сдвинули, когда приподнимали жертву.

– Конечно, – кивнул Аллейн. Подойдя вплотную к подиуму, он осмотрел лезвие. Острое, трехгранное, резко заостренное к концу, оно напоминало огромную упаковочную иглу. На кончике бурела ржавчина. Заржавело и самое основание кинжала, выглядывавшее из складок шелковой материи. Рядом багровели два пятна запекшейся крови. Аллейн кинул взгляд на доктора Амтхилла:

– Кровь потекла, должно быть, когда жертву приподняли, сняв с кинжала?

– Что? Ах, да. Думаю, кровотечение продолжалось до самой смерти. Насколько я понимаю, опустив убитую на доски, больше ее уже не трогали. Когда я приехал, тело лежало там же, где и сейчас. – Врач повернулся к белоснежному холму: – Снять?

– Будьте любезны, – кивнул Аллейн.

Доктор Амтхилл сдернул простыню.

Трой сложила руки Сони на ее обнаженной груди. Тень от скрещенных рук падала вниз таким образом, что нижняя часть торса покойной скрывалась в темноте. Зато плечи, руки и голова были залиты ослепительно ярким светом. Тонкие брови слегка вздернуты, словно в изумлении.

– Трупное окоченение выражено четко, – сказал врач. – Смерть наступила одиннадцать часов назад.

– Вы осмотрели рану, доктор Амтхилл?

– Только снаружи. Судя по всему, лезвие было укреплено не строго вертикально. Оно прошло между четвертым и пятым ребрами и пронзило сердце.

– Давайте взглянем на рану.

Аллейн аккуратно перевернул одеревеневшее тело на бок. На спине четко выделялись загоревшие участки. Примерно в трех дюймах левее позвоночника темнел след прокола. Несмотря на окружающий ее ореол запекшейся крови, сама дырочка казалась крохотной и аккуратной.

– Да, – кивнул Аллейн. – Все выглядит именно так, как вы сказали, доктор Амтхилл. Нужно сфотографировать. Бейли, попробуйте снять отпечатки. С покрывала, кинжала и досок. Надежды, конечно, немного, но вы уж не ударьте лицом в грязь.

Пока Томпсон настраивал фотоаппарат, Аллейн повернул остальные выключатели и приступил к осмотру залитой ярким светом студии. Фокс присоединился к нему.

– Странное какое-то преступление, – сказал он. – Я бы сказал – романтическое.

– Господи, Фокс, у вас слишком мрачное представление о романтизме.

– Тогда – громкое, – поспешил исправиться Фокс. – К утру сюда нагрянет орда репортеров.

– Хорошо, что мне напомнили – я должен отправить телеграмму Батгейтам. Они ждут меня завтра. Перейдем к делу, Братец Лис⁹. Сейчас мы видим студию такой, какой она была этим утром, когда собрался весь класс. На всех палитрах смешаны краски, на мольбертах укреплены холсты. У нас есть семь эскизов – семь разных версий обнаженной натуры.

– Да, они могут нам пригодиться, – согласился Фокс. – Во всяком случае, те, что имеют хоть отдаленное сходство с человеческим существом. Вот эта кошмарная мазня слева больше напоминает скопище червей, чем обнаженную женщину. Неужто это и в самом деле она?

– Похоже, что да, – произнес Аллейн. – Судя по всему, этот художник отдает предпочтение сюрреализму или воспринимает реальность в ином измерении, недоступном нам, простым смертным.

Он присмотрелся к холсту, потом перевел взгляд на рабочий столик.

– Вот, нашел. На коробке с красками. Филлида Ли. Да, Фокс, работа довольно чудная, согласен. Зато вот эта громадина по соседству должна вам понравиться. Тут уж все четко и ясно.

Аллейн указал на монументальное полотно Кэтти Босток.

– Здорово, – восхитился Фокс. Он водрузил на нос очки и вперился в картину.

– Она очень точно отображает положение тела, – сказал Аллейн.

Полицейские переместились к мольберту Седрика Малмсли.

⁹ Фокс (англ. fox) – лис. Имеется в виду Братец Лис – персонаж «Сказок дядюшки Римуса».

– А вот тут, похоже, трудился наш иллюстратор, – заметил Аллейн. – Да, вот как раз и рисунок к криминальному сюжету.

– О Боже! – воскликнул пораженный до глубины души Фокс. – Он изобразил девушку уже после смерти!

– Нет, нет, – поспешил успокоить его Аллейн. – Это изначальный материал. Он только добавил сюда кинжал и мертвенный взгляд. Здесь целая охапка таких набросков. Гм, довольно соблазнительные формы – что-то есть в его манере от Бердсли. Ого! – Аллейн обнаружил изящную акварель в старинном стиле, изображавшую трех косцов посреди поля со скирдами сена, за которым виднелись подстриженные ивы, а в отдалении высился средневековый замок с зубчатыми стенами, витиеватыми оконцами и резными башенками. – Занятно, – пробормотал Аллейн.

– Что именно, мистер Аллейн?

– Что-то мне это напоминает. Не могу вспомнить – ладно, не имеет значения. Послушайте, Братец Лис: прежде чем двигаться дальше, мне бы хотелось рассказать вам, что мне уже известно. – И Аллейн изложил ему все, что узнал из рапорта Блэкмана и из беседы с Трой. – И вот что из этого вышло, – закончил он. – А ведь вся эта история с кинжалом и завязалась-то десять дней назад лишь потому, что они хотели доказать: да, мол, автор не приукрасил и в самом деле убить таким способом можно.

– Понимаю, – кивнул Фокс. – Что ж, теперь авторскую версию можно считать окончательно доказанной.

– Да, – невесело согласился Аллейн. – Окончательно и бесповоротно. Кстати, как видите, Малмсли изобразил, что кончик кинжала торчит из-под левой груди убитой. И для пущей убедительности добавил алую струйку крови. Н-да, любопытная коллекция.

– А вот эта картина мне по-настоящему нравится, – с одобрением сказал Фокс.

Он остановился напротив мольберта Вальмы Сиклиффа. На картине, написанной размашистыми и сочными мазками, была изображена подчеркнуто удлиненная обнаженная фигура. Художница использовала необычное сочетание синих и розовых тонов.

– Очень элегантно, – похвалил Фокс.

– Даже слишком, – пробормотал Аллейн. – Однако! Вы только взгляните сюда!

Вся написанная акварельными красками картина Фрэнсиса Ормерина была перечеркнута наискосок грязно-синей полосой, которая заканчивалась совершенно омерзительной кляксой. Произведение выглядело безнадежно испорченным.

– Похоже, тут что-то случилось.

– Судя по всему – да. Табурет перевернут. Вода в ведерке расплескана, а одна из кистей валяется на полу.

Аллейн подобрал кисть и провел ею по палитре. На светлом фоне появилось грязно-синее пятно.

– Должно быть, художник уже приготовился нанести на картину эту краску, когда его что-то настолько испугало, что рука резко дернулась и кисть мазнула по диагонали. Он вскочил, опрокинув табурет и толкнув столик. Бросил кисть на пол. Посмотрите, Фокс, – почти по всей студии видны следы беспорядка. Обратите внимание на груды кистей перед этим крупным холстом – это, наверное, картина Кэтти Босток – мне ее стиль знаком. Так вот, кисти эти явно брошены на палитру в суматохе. Ручки перепачканы краской. А теперь взгляните на эти тюбики с краской и кисти. Кто-то из студентов сначала уронил тюбик на пол, а затем наступил на него. Цепочка следов ведет прямо к подиуму. Следы, пожалуй, мужские – верно? Вон сколько натоптано, почти повсюду. А вот наша сюрреалистка, мисс Ли, перевернула бутылочку терпентина прямо на свой ящик с красками. Да и на рабочем столике иллюстратора царит полный хаос. Он положил мокрую кисть прямо на чистую рукопись. Да, сюда, пожалуй, можно приводить начинающих следователей, чтобы тренировались.

– Но нам весь этот беспорядок говорит лишь об одном, – заметил Фокс. – Что все они исполошились. Хотя по этому полотну я бы этого не сказал.

Он снова вернулся к картине Сиклифф и залюбовался ею.

– Вам, похоже, приглянулась манера мисс Сиклифф, – лукаво произнес Аллейн.

– Что? – встрепенулся Фокс, переводя взгляд на Аллейна. – Черт побери, сэр, как вы определили, чья это работа?

– Очень просто, Фокс. Это – единственное рабочее место, на котором царит полный порядок. Сами оцените – все абсолютно идеально. Аккуратный ящичек, кисти чисто вымыты, лежат рядом с палитрой, тряпочка тоже под рукой. Я предположил, что картина принадлежит мисс Сиклифф, потому что именно она находилась рядом с натурщицей в момент ее смерти. Я не вижу причин, по которым общий беспорядок должен был затронуть вещи мисс Сиклифф. Строго говоря, именно она убила мисс Глюк. Она ведь опустила обнаженное тело натурщицы на острие кинжала. Конечно, если мисс Сиклифф не убийца, вспоминать ей об этом несладко. Да, скорее всего полотно принадлежит ее кисти.

– Что ж, босс, в логических построениях вам не откажешь. Ох, вот уж где настоящий бардак! – Фокс склонился над раскрытым ящичком Уотта Хэчетта. Там в полном беспорядке были свалены начатые и почти пустые тюбики масляных красок; многие – без крышечек. Лоточки и кисти были залиты клейкой желеобразной массой, к которой прилипал всякий мусор. Окурки, спички, кусочки угля перемешались с обрывками листьев, сломанными веточками и чудовищно грязными тряпками.

– Только навоза не хватает, – протянул Фокс. – Ну и неряха!

– Точно, – кивнул Аллейн. Со дна одного из особенно загаженных лоточков он извлек засохший лист и принюхался. – Голубой эвкалипт. Значит, этот «чистюля» скорее всего не кто иной, как наш австралиец. Забавно, ведь он подцепил этот листок, рисуя этюд где-нибудь в буше на другом конце света. Я знаю этого юнца. Он взошел на борт нашего корабля в Суве вместе с мисс Трой. И путешествовал с ней за ее же счет.

– Вот как? – безмятежно изрек Фокс. – Может быть, вы и с мисс Трой знакомы, сэр?

– Да.

– Мы закончили, сэр, – послышался голос фотографа.

– Хорошо, сейчас иду.

Аллейн подошел к помосту. Труп натурщицы лежал в прежнем положении. Аллейн задумчиво посмотрел на тело, припомнив слова Трой: «Покойники всегда наводят на меня ужас».

– Да, при жизни она была красива, – тихо произнес он и накрыл тело простыней. – Перенесите ее на тот диванчик. Кажется, это диван-кровать. Можно отвезти тело в морг. Вскрытие вы произведете завтра, доктор Амтхилл?

– Да, прямо с утра, – кивнул врач. – Машина из морга уже подъехала и ждет со стороны подъездной аллеи. Одна из стен студии отделяет сад от подъездной аллеи. Мне показалось, мы сэкономим время и силы, если машину подгонят задом вот к этому окну и подадут через него носилки.

– К этому, говорите?

Аллейн подошел к окну в южной стене студии. Наклонившись, осмотрел пол.

– Здесь, похоже, трудился наш скульптор Гарсия. Весь пол усеян комочками глины. Свет из окна падал прямо на его работу. Пойдите-ка минутку.

Аллейн включил фонарь и осветил подоконник, испещренный перекрестными царапинами.

– Кому-то подобная идея пришла в голову до вас, доктор, – сказал он Амтхиллу. Вынув из кармана пару перчаток, Аллейн натянул их и открыл окно. Свет, падавший из студии, осветил стоявший снаружи белый погребальный фургон. Воздух казался зябким и промозглым.

Аллейн посветил фонариком вниз, на землю. Прямо под окном на мягкой почве четко отпечатались следы автомобильных шин.

– Взгляните-ка, мистер Блэкман.

Суперинтендант перегнулся через подоконник.

– Да, кто-то подогнал машину прямо к этому окну, – сказал он. – По словам мисс Трой, за вещами Гарсии в субботу утром приезжали из службы доставки. Может быть, Гарсия сам распорядился, чтобы они подкатили прямо к этому окну? А? Можно такое допустить? Гарсия передал вещи через окно, их погрузили в машину, а он преспокойно отправился налегке.

– Пешком, – добавил Аллейн. – Что ж, вы, должно быть, правы. Но тем не менее, если не возражаете, я хотел бы, чтобы носилки вынесли через дверь студии. Может быть, в этой стене где-нибудь еще прорезана дверь? Вы не знаете?

– Неподалеку отсюда находится гараж. Мы можем отнести носилки туда, а фургончик подъедет к воротам гаража.

– Это меня больше устраивает, – кивнул Аллейн. Блэкман крикнул в окно:

– Эй, ребята! Подъезжайте к задним воротам и присылайте санитаров с носилками сюда.

Их встретит наш человек.

– Есть, шеф! – откликнулся задорный голос.

– Слиго, отправляйся в гараж – покажешь дорогу. Стоявший у дверей констебль вышел наружу, а пару минут спустя возвратился вместе с двумя санитарями. Тело Сони погрузили на носилки и вынесли на свежий ночной воздух.

– Что ж, я, пожалуй, тоже пойду, – негромко произнес доктор Амтхилл.

– И я, с вашего позволения, мистер Аллейн, – сказал суперинтендант Блэкман. – Я жду новостей по поводу ограбления. Двое моих людей слегли с гриппом, и мне больше не на кого рассчитывать, кроме как на себя самого. Но мы, все здесь присутствующие, – в вашем полном распоряжении.

– Спасибо, Блэкман. Постараюсь не причинять вам лишних хлопот. Спокойной ночи.

Дверь за ними негромко захлопнулась, и голоса быстро затихли в отдалении. Аллейн повернулся к оставшимся и поочередно обвел взглядом Фокса, Бейли и Томпсона.

– Вся моя старая команда в сборе!

– Да, сэр, – просиял Бейли. – И мы страшно этому рады.

– Я тоже, – улыбнулся Аллейн. – Что ж, за работу, друзья. Насколько я понимаю, со снимками и отпечатками вы закончили? В таком случае давайте перевернем этот подиум. Тут все размечено мелом, так что мы потом без труда вернем его в прежнее положение.

Подиум перевернули и поставили на бок. Через щели между плохо пригнанными досками просачивался свет. Из самой широкой щели торчала рукоятка кинжала. Выглядела она внушительно: была туго обмотана плотно прилегающими витками потускневшей от времени проволоки, а от лезвия отделена крепкой поперечной гардой. Одним концом гарда вгрызлась в доску платформы. Трехгранный клинок засел в щели между досками плотно, словно в тисках.

– Кинжал вбили в щель под небольшим углом, чтобы он легче проник в тело. Очень тонко подстроенная, мерзкая и дьявольски хитроумная ловушка. Займитесь отпечатками пальцев, Бейли. А вы, Томпсон, – фотоснимками.

Аллейн тем временем продолжил осмотр студии. Подойдя к дивану, он откинул покрывало, обнаружив под ним неубранную постель.

– Фи, двойка по прилежанию мистеру Гарсии.

Вдоль стены выстроилась вереница обрамленных холстов, лицевой стороной к стене. Аллейн принялся методично, один за другим, осматривать их. Он решил, что большая картина в розовых тонах, изображающая гимнастку на трапеции, принадлежит скорее всего кисти Кэтти Босток. Во всяком случае, округлое, немного скуластое лицо крайне напоминало лицо натурщицы, мертвое тело которой только что унесли санитары. Точно судить Аллейн не мог,

потому что большую часть головы кто-то соскреб ножом. Аллейн аккуратно развернул к себе следующий холст и охнул.

– В чем дело, сэр? – взволнованно спросил Фокс.

– Взгляните сами.

На портрете была изображена девушка в зеленом бархатном платье. Она стояла, выпрямившись, возле белоснежной стены. Платье ниспадало крупными складками до самого пола. Портрет был исполнен жизни и поражал простотой рисунка. Руки, казалось, были выписаны всего десятком мазков. За тяжелым платьем угадывались изящные очертания тела девушки.

А вот лицо кто-то грубо затер тряпкой, нанеся поверх красное пятно с усами.

– О Боже, – не удержался Фокс. – Это какие-то современные выверты, сэр?

– Не думаю, – пробормотал Аллейн. – Какой жуткий вандализм! Дело в том, Фокс, что кто-то стер тряпкой лицо, пока краска еще не высохла, а затем изуродовал портрет этой мерзкой пачкотней. Посмотрите на эти усы – кисть с такой силой и остервенением ткнули в холст, что кончик даже сплющился. Словно это выходка мстительного ребенка. Только очень гадкого ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.